

Рис. 9. Мраморная база колонны базилики.

Рис. 10. Мраморная импостная капитель базилики.

И. О. ГАВРИТУХИН, А. М. ОБЛОМСКИЙ

Институт археологии Российской академии наук (Москва, Россия)

ПАЛЬЧАТЫЕ ФИБУЛЫ С РОМБАМИ НА НОЖКЕ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ РЕМЕСЛЕННОГО ЦЕНТРА СТАЕВО НА Р. ВОРОНЕЖ ¹

Аннотация: Публикуются 5 фибул и матрица, украшенные ромбами на ножке и лучами на головной пластине, найденные на поселениях Стаево-4 и 5 (Тамбовская область России). Рассмотрены типология, хронология, ареалы аналогичных фибул; некоторые из них публикуются впервые. Особое внимание уделено взаимоотношению ремесленных центров Восточной Европы. Наряду с другими, выделена серия Стаево, производившаяся в поселке ювелиров и торговцев Стаево-5 и имевшая небольшую зону распространения.

Ключевые слова: фибулы, V–VII века, верхневоронежская группа памятников, ремесленные центры.

Памятники V–VII вв., расположенные у с. Стаево

Поселения у села Стаево (Мичуринский р-н Тамбовской обл.) были открыты Сергеем Ивановичем Андреевым в 1999 г., исследуются Раннеславянской археологической экспедицией Института археологии РАН (начальник А. М. Обломский) с 2015 г. Раннесредневековые материалы обнаружены здесь на селищах 3, 4, 5. Они расположены на правом коренном берегу р. Воронеж около ее истоков, в 2,5 км ниже по течению от места слияния рек Лесной Воронеж и Польной Воронеж (рис. 1А,1).

Эти поселения относятся к верхневоронежской культурной группе начального периода раннего Средневековья (в рамках второй половины V – VII вв., см. ниже), выделенной А. М. Обломским в 2011 г. [32]. Они находятся (рис. 1А), в основном, в верхней и средней части бассейна р. Воронеж, но известны и западнее, на Дону и его правых притоках, северо-восточнее, вплоть до р. Цны (Коровий Брод), южнее (Терешковский вал, Острогжский клад [о нем: 12]).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-09-00376.

К юго-западу от Верхнего Подонья в это время распространены раннеславянские пеньковская и колочинская культуры, к северу и востоку – культура рязано-окских могильников и т.н. средневековая мордовская культура (на р. Цне – с VII в., скорее всего, не ранее его середины или последних десятилетий), соотносимые с финнами. К западу и северо-западу от Верхнего Дона (Верхняя Ока, Москворечье) известны единичные памятники, где прослеживаются традиции мощинской и позднедьяковской культур, на юге – степных кочевников, скорее всего, тюркского круга. Одно из погребений, соотносимых со степняками (Арцыбашево), локализуется к востоку от истоков Дона.

Если не считать материалов разведок, которые не всегда однозначны в интерпретации, то с определенностью к верхневоронежской группе в настоящее время можно отнести 14 памятников и серию случайных находок. Все поселения – неукрепленные. Могильники пока не найдены. По набору форм лепных сосудов и некоторым другим находкам материалы этих поселений неоднородны. Условно их можно подразделить на две этнокультурные линии.

К линии Ярок относятся исследовавшиеся раскопками поселения Ярок-5 и 9, Красный Городок-4, Большая Кузьминка-4А, Стаево-4 и 5 (рис. 1А, 1, 3, 5, 8, 15). Наиболее яркие находки происходят с двух последних поселений. Прочие памятники этой линии демонстрируют элементы того же керамического набора, что и в Стаево, но как бы в урезанном виде, что, наверное, объясняется малочисленностью полученных на них керамических коллекций.

По формам лепных сосудов, составу керамического комплекса, находкам конических грузил для ткацких станков, набору пряслиц, использованию зеркал, ранних пальчатых и гибридных пальчато-двупластинчатых фибул, некоторых типов браслетов, сережек с полиэдрическими окончаниями в Стаево-4 и 5 (см. о некоторых находках ниже) фиксируется продолжение традиций, представленных на памятниках типа Чертовицкое – Замятино конца IV – V вв. [см. о них обзор и литературу: 38]. В лепной керамике памятников линии Ярок наиболее выразительны «пост-киевский», «пост-черняховский» и «окский» компоненты. По украшениям, деталям ремennых гарнитур, некоторым другим предметам (антропоморфные амулеты, экзагий для взвешивания византийского солида) у обитателей поселка у с. Стаево прослеживаются отчетливые связи с населением южных областей Восточной Европы [37, с. 318].

Иной состав керамического комплекса наблюдается на поселениях линии Кривец. Эталонным для памятников этой традиции является поселение Кривец-4. К ней относятся, также, селища Новоникольское-8, Ярлуково, Терешковский вал, Коровий Брод (рис. 1А, 4, 6, 7, 11, 16). По формам лепная керамика поселения Кривец-4 составляет два набора. Груболепные сосуды первого характерны для колочинской культуры Поднепровья, ко второму относятся лепные горшки и миски окского происхождения, как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью. Леп-

ная колочинская керамика найдена не только в Кривце-4, но и на всех поселениях этой линии².

Нижнюю хронологическую границу линии Ярок верхневоронежской группы в рамках второй половины V – начала VI вв. определяют: ранние варианты пальчатых фибул [35, рис. 12, 4, 5; 13, 1, 2; 36, рис. 16, 1; 37, рис. 5, 1–3] (об одной из них – рис. 5, 1 нашей статьи – см. ниже), фибулы серии Мощенка по И. О. Гавритухину³ [36, рис. 16, 2; 37, рис. 5, 4; см. о них: 17, с. 214; 18, с. 30–31] и варианта 6 северокавказской серии трехпалых двупластинчатых фибул по И. О. Гавритухину [37, рис. 5, 6; см. о них: 25, с. 323; 39, с. 11]. В рамках второй половины V в. датируется финал группы Чертовицкое – Замятино [38, с. 295], культура которой близка линии Ярок верхневоронежской группы. Очевидно, они некоторое время сосуществовали или хронологически смыкаются⁴.

Верхняя хронологическая граница линии Ярок определяется многочисленными находками деталей ремennых гарнитур геральдического круга [36, рис. 10, 19; 37, рис. 6, 12–15, 17], в целом датируемых в рамках середины VI – VII вв. Для узкой датировки отметим находки в Стаево-4 и 5 цельнолитых пряжек с трапециевидными рамками и обоями в виде геральдического щита с вырезами по бокам [36, рис. 10, 19; 37, рис. 6, 13, 14]. Такие пряжки во всех случаях, когда есть нужные данные, входят в обувные наборы [45; см. также их обзор в: 65, р. 59–65]. По типолого-хронологической схеме, предложенной И. О. Гавритухиным, упомянутые стаевские пряжки относятся к блоку 3 серий III и IV (длина не более 21 мм, с приостренной задней частью обойм), основное время бытования которого – около второй и третьей четвертей VII в. [65, р. 62–63, fig. 22].

Как наиболее ранние, так и наиболее поздние находки, датирующие линию Ярок, есть на поселениях Стаевского гнезда, о котором идет речь в данной статье.

Узко датируемые вещи с памятников линии Кривец представлены фибулами, деталями ремennой гарнитуры и другими вещами, характерными для кладов круга Мартыновки [33, с. 194, 195], что определяет дату в рамках последних десятилетий VI – VII вв., вероятно, исключая последние десятилетия VII столетия⁵. Для ответа на вопрос о времени появления памятников линии Кривец в верховьях р. Воронеж данных пока недостаточно. Не исключено, что это население освоило интересующий нас регион до появления «мартыновских» уборов. С другой стороны, оно могло

² Более подробно характеристику керамики памятников обеих линий см. в [33; 35; 36].

³ В свете значительно числа новых находок (см. о некоторых ниже) правильнее говорить о типе Мощенка с подразделением на несколько серий. Специальная работа о нем готовится И. О. Гавритухиным. В данной статье использованы некоторые взятые из нее наблюдения.

⁴ Пока более предпочтительным мы считаем второй вариант. А. М. Обломским готовится к печати специальная работа об этом.

⁵ Датировка периода формирования этих наборов у специалистов не вызывает принципиальных расхождений. Дата сокрытия кладов остается предметом дискуссий, не имеющих прямого отношения к теме нашей статьи.

появиться здесь в связи с потрясениями, вызвавшими выпадение кладов круга Мартыновки, и оставалось в регионе в течении сравнительно короткого времени.

Как мы видим, территория верхнего и среднего течения р. Воронеж, а возможно и всего лесостепного Подонья, во второй половине V – VII вв. была особой зоной, где представлены разные по происхождению традиции – как минимум, две раннеславянские, окско-финские, какие-то южные.

Следует отметить, что селища верхневоронежской группы, как правило, бедны находками, культурные слои весьма слабо насыщены материалом, который обычно встречается либо в сооружениях, либо около них. Судя по всему, поселения были кратковременными. Поскольку большинство селищ многослойные, то точные данные о размерах раннесредневековых поселков отсутствуют. Тем не менее, по планиграфии исследованных сооружений можно утверждать, что на них могли быть расположены от одной (большинство памятников) до двух (Ярок-9) или трех (Кривец-4) усадеб [33; 35].

На общем фоне резко выделяется группа поселений у с. Стаево. Культурный слой раннего Средневековья зафиксирован на селищах Стаево-3, 4, 5, отделенных друг от друга оврагами. Площадь поселения Стаево-3 составляет 5400 кв. м, Стаево-4 – 24200 кв. м, Стаево-5 – 62400 кв. м. Общая площадь комплекса (без учета оврагов) составляет 9,2 га, т.е. она значительно больше, чем у остальных поселений верхневоронежской группы.

Стаево-3 занимает практически всю территорию современного хутора, который находится к западу от с. Стаево. Поселение исследовалось только в ходе разведок, находки представлены керамикой. В Стаево-4 и 5 в 2015–2018 гг. велись раскопки. Одновременно с ними по всей территории этих селищ осуществлялся планомерный металлопоиск, в результате чего для них были составлены планы расположения вещей из металла, найденных на поверхности. Это позволило выявить участки наибольшей концентрации предметов различного назначения и определить общую планировку поселка.

Стаево-4 находится в 100 м (через овраг) к северо-западу от Стаево-3, занимает край правого коренного берега р. Воронеж высотой до 8 м от низкой поймы. В ходе раскопок в 2015–2016 гг. было исследовано 644 кв. м [36]. Культурный слой Стаево-4 обильно насыщен остатками производства железа: кусками бурого железняка, очевидно, служившего сырьем (274 экз.), шлаками (820 кусков). Около печи одной из полуземлянок обнаружено скопление мелких обломков обогащенной железной руды, смешанной с углем и известняком, по-видимому, представлявшее собой смесь (шихту), подготовленную для загрузки в горн. Среди находок преобладают изделия из железа: целые и фрагментированные ножи, в т.ч. серповидные, кузнечные инструменты (пробойники, зубильца), железные поковки-полуфабрикаты, бытовые предметы, наконечники стрел и сулицы. Среди изделий из цветных металлов [34, рис. 21–22; 36, рис. 10,19; 16,1–5,9–11,15,18] отметим три фибулы (об одной из них –

рис. 5,1 нашей статьи – см. ниже), пять деталей ременных гарнитур, обломки трех зеркал типа Карповка [см. о них: 31].

Стаево-5 (рис. 1Б) расположено на высоте 8–17 м от низкой поймы р. Воронеж, в 100 м (через овраг) к северо-западу от Стаево-4. В 2016–2018 гг. здесь раскопано 1348 кв. м. Планируется продолжение работ. Найдены многочисленные выплески и слитки бронзы, а также обрезки бронзовых пластин и прутиков, в т.ч. и с расплюснутыми концами, обломки бронзовых изделий, как фибул и других украшений (часть из них деформированы, вероятно, для помещения в тигель), так и, например, котлов т.н. гуннского типа (определение С. В. Демиденко). Скорее всего, значительная часть этих вещей была предназначена для переплавки. В основном на западной и восточной окраинах поселения найдены и бракованные бронзовые изделия (в т.ч. рис. 3,1). Из западной части памятника происходят обломки бронзовых вещей, железные клещи и другие инструменты (пробойники, зубила, сверла, резцы и т.п., в т.ч. комплект из 29 инструментов, лежавших вместе), 6 матриц [37, рис. 4] для изготовления деталей гарнитур т.н. геральдического стиля и пальчатой фибулы (рис. 2,1; см. о ней ниже). На раскопе 6 зафиксированы углубленное в грунт и два наземных сооружения, очевидно, связанных с бронзолитейным ремеслом. В последних исследованы открытые очаги и небольшие печи, ямы с многочисленными обломками глиняных тиглей, серия ям, заполненных глиной, специально приготовленной для изготовления, вероятнее всего, тиглей и литейных форм.

Ременные гарнитуры в Стаево-5 представлены десятью пряжками с вертикально-овальными и прямоугольными рамками, тремя круглыми накладками с насечками по краю, пятнадцатью деталями гарнитур т.н. геральдического стиля, в т.ч. пятью матрицами для их изготовления [37, рис. 4,2–6; 6,13,15–17], пальчатые фибулы – шестью экземплярами и одной матрицей [37, рис. 4,1; 5,2,3,6] (о пяти – рис. 2; 3; 4,2 нашей статьи – см. ниже). Найдены также три «серьги» с полиэдрическим окончанием [37, рис. 6,1–3]; две из них близки крымским вариантам 4 по Э. А. Хайрединовой [46, с. 103, рис. 13,11–12], но не имеют красных вставок, которые имитируются литыми выступами; одна – варианту 2 [46, с. 100–102], но на одной из граней у нее сделана ромбическая ячейка для вставки из стекла или камня. Очевидно, это изделие воспроизводит паяные полихромные серьги, но в другой технике. Есть обломки браслетов (6 экземпляров) и височных колец или сережек с одним орнаментированным расплюснутым концом (3 экземпляра). Из 13 обломков зеркал семь относятся к типу Карповка, три – к типу Березовка, одно – редкое, несет тамгообразное изображение [37, рис. 6,8,10]. Обращают на себя внимание 4 бронзовые фигурки человечков, имеющие петлю на обороте [37, рис. 6,4,5], относящиеся к типу 1 по Д. Б. Шелову [51; см. также: 13]. Отметим также византийский экзагий и обломок железной фибулы византийского круга [37, рис. 1,1,8; об аналогиях фибуле см.: 20, с. 51–52, 58].

Судя по всему, в Стаево-4 был центр железоделательного и кузнечного производств, в Стаево-5 – ювелирного ремесла и торговли.

Из Стаево происходит выразительная коллекция, включающая пять пальчатых фибул и матрицу для изготовления типологически близких застежек. Ножки у этих фибул и матрицы украшены вписанными друг в друга рельефными ромбами, а головные пластины – веерно расположенными лучами (список 1; рис. 2; 3; 4,2; 5,1). Этим вещам и посвящена данная статья.

Типология, хронология, ареалы пальчатых фибул с ромбической орнаментацией на ножке и лучевой на головной пластине

Пальчатые фибулы с ромбической ножкой, украшенной вписанными друг в друга ромбами, и полукруглой головной пластиной, зачастую украшенной парными волютами, выделены Х. Кюном в тип 64/Гурзуф [80, S. 728–742, Taf. 261,64/1–35; 262,64/36–59]. Следует отметить, что по ряду характеристик застежки, отнесенные к этому типу, весьма гетерогенны. Например, Ф. Бирбрауер по небольшой выборке, связанной с рассмотрением памятников итало-готского круга, отметил ряд фибул, у которых ножка украшена вписанными ромбами, но воздержался от выделения среди них выразительных типов (что сделал в ряде других случаев), ограничившись комментариями о разном культурном контексте некоторых экземпляров [56, S. 12–14; 57, S. 104–106].

Наряду с такими вариативными признаками, как число и форма выступов на пластине, пропорции пластин, оформление дужки и т.п., прежде всего, у рассматриваемых фибул обращает на себя внимание структура орнаментации головной пластины. По этому признаку наиболее представительны три параллельно развивающихся ряда⁶:

- с различными вариантами спиральной орнаментации (как на рис. 15; некоторые авторы считают ее связанной с растительными мотивами);
- с вписанными друг в друга дугами (как на рис. 16; употребляется и название «арочная орнаментация»);
- с радиальными «лучами» (рассматриваемые в нашей статье).

Последние выделены Х. Кюном в тип 65/Сисак [80, S. 742–749, Taf. 262,65/1–4; 263,65/5–19]. Как и тип 64, эта подборка весьма гетерогенна, а некоторые образцы могут быть отнесены как к этому, так и к другим типам. Например, даже у Х. Кюна две находки из Чехии (рис. 8,1,3) даны среди образцов как типа 64, так и 65 [80, Taf. 261,64/28–29; 263,65/9–10], при этом их близкие аналоги, тоже с ножкой, показательной для типа 64, фигурируют только в связи с типом 65, образуя в его рамках большинство [80, Taf. 262,65/1–2,4; 263,65/8,11–12,14,16,18]. Некоторые экземпляры отнесены Х. Кюном к типу 65 явно ошибочно. Два из них [80, Taf. 263,65/6,7] имеют иную орнаментацию головной пластины, они принадлежат причерноморской серии подгруппы Левице – Токари по И. О. Гавритухину [64, р. 112–114, fig. 3,3,10]. Еще у

⁶ Термин «ряд» был предложен для подборки фибул, по которой прослеживаются вариации одного признака [20, с. 38]

одной находки [80, Taf. 263,65/17] головная пластина украшена вертикальными параллельными линиями [см. об аналогиях: 71, S. 100, 113–115, Abb. 5.11, нижний ряд; добавление к этому списку: 89, s. 115, 120 (No 17), rys. 3,4].

Выделение фибул с головной пластиной, имеющую лучевую («веерную») орнаментацию, поддержано, хотя и в несколько модифицированном виде, некоторыми болгарскими коллегами [49, с. 110–111; 42, с. 126–129]. Однако лишь на выборке небольших трехпалых экземпляров М. Надь показала гетерогенность таких фибул (*mit strahlenverzierung Kopfplatte*) даже в пределах Центральной Европы [59, S. 120–122].

Более плодотворным оказался путь, по которому типы рассматриваемых застежек определяются по сочетанию большего числа признаков, что позволяет проследить вполне отчетливый культурно-исторический контекст. Таков, например, выделенный Атилиой Кишем тип Бакодпуста (см. ниже). М. М. Казанский среди пальчатых фибул, представленных на памятниках раннеславянского круга, выделяет тип Морешть (с ножкой, украшенной концентрическими ромбами, и головной пластиной, несущей арочный декор), связанный с гепидской средой, в основном, второй и третьей четвертей VI в. [74, р. 109–110; 29, с. 194]. В рамках этого типа можно говорить и о локальных сериях [24]. И. О. Гавритухин использовал наличие лучевой орнаментации головной пластины как признак для выделения особого варианта в рамках серии Мощенка (сочетание пятипалой головной пластины с ножкой, характерной для двупластинчатых фибул; как на рис. 17; см. также прим. 3), распространенного в зоне Днепро-Донской лесостепи и в Крыму [17, с. 214]. Число таких примеров можно увеличить.

Для нашей темы важно и отделение южнорусских форм от их центрально-европейских прототипов и аналогов, в т.ч. тех, ножка которых украшена вписанными друг в друга ромбами, начатое Б. Салиным, Й. Вернером и другими учеными [93, S. 21–22, 24, 26; 105, S. 26–33]. Отметим решающий вклад в этом направлении исследований ряда российских специалистов, в чем важную роль сыграли труды чествуемого данным сборником юбиляра [6, с. 213–214; 7, с. 10–13; 9, с. 75–81; 10, с. 37, 45–46; 1, с. 20–21; 2, с. 268–269; 73, р. 326; 27, с. 406–408, 417–422, 426–427, 435–436; 15, с. 29–31; 25, с. 311–314; 4, с. 28; в этих работах более детальная библиография].

Опираясь на упомянутые и другие работы коллег, рассмотрим подробнее пальчатые фибулы, ножка которых близка по форме ромбу, имеет 1–3 основных выступа (концевой, а в ряде случаев и четко выраженную пару боковых), украшена вписанными друг в друга фигурами, близкими ромбам, а головная пластина орнаментирована радиальными лучами. Ряд форм, связанных с особым контекстом, например, тип IG, вариации типов IC, IK славянской группы по Й. Вернеру [104], требуют специального обширного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Тип Бакодпуста – трехпалые, с ножкой без боковых выступов (список 2.А).

В целом он соответствует одноименному типу, выделенному А. Кишем [76, S. 305, Tab. 2]; единственное исключение – находка из Клужа–Сомершень, имеющая треугольную ножку. Х. Кюн отнес небольшие трехпалые фибулы с треугольной

ножкой к типу 69/Зиндельфинген, в рамках которого выразительную подборку образуют экземпляры с лучевой орнаментацией головной пластины и линейной (но вписанные друг друга треугольники, а не ромбы) на ножке [80, Taf. 267,69/3–4,6–7,10,20]. Показательна и гепидская подборка таких фибул [см. некоторые экземпляры: 59, Abb. 59,2–4]. Анализ фибул с треугольной ножкой, в т.ч. с лучевой и линейной орнаментацией (часть типа/группы Буле – Лаурикум – Зиндельфинген), предложен Ж. Пинаром [91, р. 128–130]. Очевидно, что такие фибулы принадлежат особому кругу, анализ которого далеко выходит за рамки темы нашей статьи.

К сожалению, для систематического подразделения фибул типа Бакодпуста информации, доступной нам лишь по публикациям, не достаточно. Тем не менее, некоторые наблюдения возможны.

Выделяется *подтип 1* (рис. 6; 7,1–4,6–8; 18,а–б), включающий сравнительно небольшие изделия (длина до 60 мм), с хорошо проработанными гранями в орнаментации. Как правило, они сделаны из серебра, с внешней стороны полностью или частично позолочены, имеют по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины. Иногда бордюр по краю пластин украшен имитацией зерни (рис. 6,3–4; 7,6). Для *серии Бендекпуста* (рис. 6; 7,7–8) показателен пальцевидный концевой выступ на ножке. Две пары таких изделий (рис. 6,3–6) относятся к *узкому варианту⁷ Дунапатай*. Для *серии Бернхадришаль* (рис. 7,3–4,6) показателен двурогий концевой выступ на ножке [о фибулах с таким или близким по форме окончанием ножки см. также: 62]. Некоторые фибулы (рис. 7,1,2; находка из Крыма: список 2.А, по данным интернета) выделяются другими формами концевой выступа на ножке, модификацией лучевого орнамента на головной пластине и другими признаками, в т.ч. в двух случаях наличием одной стойки для оси пружины (в третьем случае данные отсутствуют). Они пока рассматриваются как *особые вариации*.

Фибулы, эпонимные для рассматриваемого типа (рис. 6,5–6), происходят из погребения 3 Дунапатай–Бёдпуста («Бакодпуста»). Этот комплекс включает также большие двупластинчатые фибулы с полихромными накладками у дужки и является одним из показательных для ступени D2/D3 культур восточногерманского круга (около 440–460/470 гг.)⁸, точнее, для его ранней части – эпохи Атиллы. Ряд находок из небогатых комплексов (рис. 6,1–4; 7,3–4,7–8) отнесены Я. Тейралом ко второй трети V в. по контексту могильников, в основном небольших, что соответствует и наблюдениям ряда венгерских коллег [101, S. 110–114, Abb. 3,б,с,е; там литература].

Отметим, что упомянутые находки наиболее выразительных серий связаны со Средним Подунавьем (рис. 18,а). Основная часть памятников, откуда они происходят, тяготеет к юго-западу Венгрии, один расположен на северо-востоке Австрии. Эти зоны связаны с оседлым населением, обитавшим западнее ядра Гуннской державы, расположенного до битвы на Недао (около 454 г.) в Среднем Потисье. В сле-

⁷ О термине см. [5, с. 7].

⁸ Здесь и далее понимание фаз (ступеней) культур восточногерманского круга и их датировка даны по Я. Тейралу [98; 99; 100].

дующую эпоху (до 470-х гг.) в интересующих нас зонах локализуют остготы (рис. 18,13–15), скиров (рис. 18,16), свевов и герулов (рис. 18,12). Особые вариации, выделяющиеся орнаментом головной пластины и другими элементами, происходят с земель, расположенных к северу и востоку от этих областей (рис. 7,1,2; 18,5,18).

Экземпляры из Крыма (список 2.А, по данным интернета) и, вероятно, два фрагмента из Суджанского района Курской области (список 3.Д; рис. 11,6) отличаются от образцов описанных серий худшим качеством исполнения, числом стоек для оси пружины, формой концевой выступа на ножке. Это – явные реплики с рассмотренных «стильных» вещей, вполне вероятно, изготовленные уже в Восточной Европе (рис. 18,25; 19,22).

К *подтипу 2* типа Бакодпуста относятся фибулы, более крупные, чем подтипа 1 (длина более 70 мм; рис. 8,1–3; 9,1,2,6,7; 10,1; вероятно, 8,4; 9,3–5; 14,6), как правило, сделанные менее аккуратно, чем рассмотренные «стильные» образцы подтипа 1, и распространенные за пределами зон, откуда те происходят (рис. 18,в–д; 19,4).

Экземпляры с двумя стойками для оси пружины, расположенными по бокам головной пластины, достоверно известны на территории Чехии и Болгарского Подунавья (рис. 8,1–3; 18,в). Скорее всего, к этому контексту относятся находки из Трансильвании и Поднепровья (рис. 8,4; 14,6; 18,21; 19,4). Впрочем, в этих зонах есть и застёжки, для которых по доступным нам сведениям место расположения стоек не ясно (рис. 9,3,6,7), а в болгарской зоне найдена головная пластина с лучевой орнаментацией и одной стойкой для оси пружины (рис. 9,4). Часть указанных фибул выделяется и длинными сравнительно узкими 4–5-частными «пальцами» (рис. 8,1–3; 9,6). Аналогичный выступ на конце ножки, ставший уже 6-частным, имеет и экземпляр с северо-востока Болгарии (рис. 9,5).

Достоверные крупные фибулы типа Бакодпуста с одной стойкой для оси пружины пока известны лишь по находке из Трансильвании и по приобретению в Керчи (рис. 9,1,2; 18,г). Однако, вероятно, этому контексту принадлежит находка из Болгарии (рис. 9,4), а для ряда упомянутых выше экземпляров, как и для фибулы из Моравии (рис. 10,1; 18,11), число и расположение стоек для оси пружины нам не известно. Нет нужных данных и для находки из Италии (рис. 7,5; 18,10). Поэтому более детальный типологический анализ фибул подтипа 2 отложим до появления большего числа данных.

К сожалению, рассматриваемые находки сделаны вне археологического контекста или в контексте, допускающем широкую датировку. Тем не менее, экземпляры из чешского ареала (рис. 8,1,3; 18,6,8) Я. Тейрал считает возможным связывать с группой Винаржице и относить ко второй трети V в. [напр.: 101, S. 112–113, Abb. 3,а]. Действительно, они типологически близки рассмотренным выше образцам подтипа 1 и не характерны для эльбо-германского (тюрингского и лангобардского) контекста, доминирующего в этом регионе с конца (вероятно, с четвертой четверти) V по середину VI вв.

Ряд находок с северо-востока Балкан (рис. 8,2; 9,4,7) некоторые болгарские исследователи соотносят с пребыванием здесь остготов Теодориха Великого между 474/476 и 488 гг., тем более, что для Нов (Свиштов) присутствие остготского отряда зафиксировано письменными источниками [49, с. 111; 67, с. 61; 42, с. 127, 129]. А. Хараламбиева, учитывая следы длительного использования и ремонта отдельных экземпляров, предполагает возможность, что они принесены остготами на Балканы, а сделаны были еще в Паннонии [69, р. 394]. Всего этого нельзя исключить, хотя, конечно, подобные идентификации весьма рискованны, а спектр традиций и хронологические границы восточногерманского присутствия на северо-востоке Балкан существенно шире указанных. Кроме того, ближайшие аналогии некоторым рассматриваемым болгарским находкам, как было отмечено выше, происходят с территории Чехии, а не из юго-западной Венгрии и соседних земель, где локализируют паннонских остготов до их движения на Балканы.

Экземпляр из Италии (рис. 7,5; 18,10) в русле упомянутой гипотезы болгарских коллег можно соотнести с остготами Теодориха Великого, расселившимися здесь в 490-х гг. Однако не исключена связь этой фибулы и с предшествовавшими остготскому завоеванию Италии отрядами Одоакра, в которых были многочисленные выходцы из Подунавья [84; 58; 19, с. 467].

Итак, появление фибул типа Бакодпуста относится к середине V в. и связано с преимущественно восточногерманской средой Среднего Подунавья эпохи Атилы. Весьма компактные типологически основные серии подтипа 1 бытовали, вероятно, не столь уж долго, и к концу V в. или несколько раньше стали анахронизмом. Возможно, верхняя хронологическая граница таких фибул для основного ядра «стильных» серий (рис. 18,12–16) связана с разгромом скиров, свевов, герулов и их союзников паннонскими остготами и последовавшими вскоре миграциями: как части побежденных (в т.ч. в Италию), так и победителей на Балканы (все между 469 и 473 гг.).

Фибулы более пестрой подгруппы 2, учитывая типологическую близость подтипу 1 при ином ареале, вероятно, были в ходу уже в это же время. Те и другие могли быть разными воплощениями ранних геометризированных кербшнитных стилей, получивших у варваров распространение с эпохи Атилы. Впрочем, нельзя исключить, что подтип 2 произведен от подтипа 1, а разница ареалов обусловлена упомянутыми миграциями или переработками среднедунайских стилей в зонах их влияния. Тогда подтип 2 должен датироваться 470-ми гг. и позднее или не исключать этого. Для территории Чехии и Моравии (рис. 18,6–8,11) верхнюю дату, не очень удаленную от начала 470-х гг., подтверждает смена здесь этнокультурного контекста не позднее конца V в. В других регионах вполне вероятно бытование рассматриваемых застежек и в первые десятилетия VI в., судя по аналогичным фибулам, отличающимся лишь орнаментом головной пластины [25, с. 311; 71, S. 90].

Трехпалые фибулы с боковыми выступами на ножке или имеющие такие элементы и интересующую нас орнаментацию (Список 2.Б; 2.А/Б, 2.Г) представ-

лены четырьмя разнородными находками. Выделение типов в данном случае явно преждевременно.

Экземпляр из Морешть (рис. 13,4; 18,20) вполне вписывается в контекст находок, характерных для соотносимых с гепидами могильников и поселений, возникших после битвы на Недао и существовавших в VI в. [некоторые примеры см.: 72, S. 141] (о фибулах гепидского круга см. также ниже, при рассмотрении пятипалых застежек). К. Хоредт относит интересующую нас находку к ранней части гепидского комплекса в Морешть, предположительно, погребению, разрушенному поселением [72, S. 141–142]. Впрочем, приведенные им аргументы косвенные, а ограничение даты фибулы рамками V в. условно. Р. Хархоу датировал ее второй половиной V в. по аналогии с другими трехпальными экземплярами и ссылкой на «стратиграфические» наблюдения К. Хоредта [70, S. 102–103]. Такая датировка не исключена, но требует дополнительной аргументации.

Фибула из Монсхайма (рис. 11,3; 18,4) серебряная, имеет небольшие размеры и две стойки для оси пружины, что сближает ее с образцами подтипа 1 типа Бакодпуста (см. выше). Из погребения 4, где встречена рассматриваемая находка, происходят также брошка в виде лошади и булава с изображением головы хищной птицы [80, Taf. 186], не редкие в могильниках раннемеровингского круга.

Судя по находкам из могильников на территории северной Франции, аналогичные броши (тип 283) показательны для периода 440/450–470/480 гг., булавы (тип 314) в это время только появляются, а характерны для 470/480–520/530 гг. [82]. По выборке с могильников на Нижнем Рейне булавы этого типа (Nad-3) отнесены к 460/480–510/525 гг. [85]. По хронологии женских могил из Вайнгартена в юго-западной Германии броши-лошадки важного для нас типа (индикатор 15) датированы 490–530 гг. [92]. По хронологии женских комплексов, исследованных в южной Германии, сочетание интересующих нас типов брошей и булавок (X 19 и X 3) относится к 480–510 гг. [78]. Учитывая ограниченность выборок, различия методик [94, S. 459–460], некоторую условность «цифровых» календарных дат, а также наибольшую географическую близость к Монсхайму памятников, использованных в системе У. Кох [78], дата в рамках последних десятилетий V – начала VI вв. кажется нам вполне надежной, тем более, что она принципиально не противоречит выводам по другим хронологическим шкалам.

Фрагмент из могильника Братей 3 (рис. 8,4; 18,21) мог принадлежать фибуле подтипа 2 типа Бакодпуста (как на рис. 8,1–3; см. выше), но мог иметь на ножке и боковые выступы. Он найден в погребении 244 с пряжкой, крепящейся к ремню характерными для византийской традиции пластинчатыми «ушками» [55, Taf. 40, G.244/8]. Пряжки этой традиции широко представлены на памятнике, да и по всем другим признакам это захоронение не выпадает из контекста могильника, вполне убедительно датированного авторами публикации (по материалам Лигии Бэрзу ее готовил Р. Хархойу) в пределах после 568 г. (образования Аварского кага-

ната), но перед третьей третью или четвертой четвертью VII в. (горизонтом Игар – Озора [см. о нем и датировках: 16]).

Авторы публикации считают, что этот фрагмент фибулы, как и некоторые другие ранние вещи в могильных комплексах, – антик [55, S. 94–95, Typ 15a1a]. Это вполне соответствует его находке в скоплении у левого колена костяка вместе с другими мелкими предметами [55, S. 250], что вполне может быть остатками сумки, крепящейся упомянутой небольшой пряжкой и, возможно, ремненным наконечником (не опубликован). Однако погребение 244 было частично нарушено в древности, т.е. не может использоваться как бесспорный аргумент в пользу рассматриваемой интерпретации.

Бракованный полуфабрикат, найденный в Белгородской области (рис. 4,1; 18,28; 19,26; список 2.Г)⁹, прямо свидетельствует о наличии производства интересующих нас фибул на востоке Днепровского Левобережья. К сожалению, из-за отсутствия ряда показательных деталей его сопоставление с другими образцами рассматриваемого круга затруднено.

Пятипалые фибулы, имеющие интересующую нас орнаментацию (Список 2.В), весьма гетерогенны, а многие представлены фрагментами, что в ряде случаев затрудняет систематические классификацию и анализ.

Экземпляру без боковых выступов на ножке, найденному в Стаево-4 (рис. 5,1; 18,29; 19,29), точных аналогов нам не известно. Отсутствие боковых выступов на ножке, размеры, характер проработки деталей сближает его с образцами подтипа 2 типа Бакодпуста (см. выше). Сложная форма кнопок с «балясинами» известна уже у типологически ранних экземпляров пальчатых фибул (например, рис. 7,2,6), что отметил еще Б. Салин [93, S. 26], хотя и существует довольно долго, постепенно упрощаясь и вытесняясь другими формами. Наиболее вероятная дата рассматриваемой вещи, судя по стилистическим характеристикам, лежит в рамках второй половины V – первой трети VI вв. Не исключено, что эта застежка сделана в Подунавье, однако там на фибулах с интересующим нас орнаментом пока не зафиксирован способ крепления оси пружины двумя сравнительно близко расположенными стойками, как у этой стаевской находки; впрочем, такой способ крепления оси пружины не редок в Подунавье у фибул других типов, в т.ч. близких по времени этому экземпляру.

⁹ При рассмотрении этой и ряда других находок из Восточной Европы использованы материалы исследования И. О. Гавритухина «Фибулы 5–6 вв. из ареала колочинской культуры», частично представленного на 5-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» (Тула – Монастырщина, 2015 г.) и заседаниях Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья ИА РАН. Ряд дополнительных наблюдений об обсуждаемых ниже западно- и центральноевропейских находках есть в статье «Kazanski M. Fibules digitées de tradition «danubienne» de l'époque des Grandes Migrations, découvertes en Gaule du Sud»; мы благодарны Михаилу Михайловичу за возможность ознакомиться с этой рукописью, которая готовится к печати, и ценные замечания по нашему тексту.

Форма концевой выстула на ножке рассматриваемой фибулы близка представленной на ножке из Курска (рис. 14,4; 19,24), тоже не имеющей боковых выступов, но с четко проработанным кербшнитным декором, что характерно для типологически ранних пальчатых фибул. Близко им завершение ножки и у фибулы из Спас-Перекши (рис. 5,2; 19,30), которая тоже не имеет боковых выступов на ножке. Отметим схожее завершение ножки и у явно не поздних восточноевропейских фибул других типов [напр.: 1, рис. 10,9; 15,4; 25, рис. 22,35]. Показательна и пятилучевая композиция на головной пластине рассматриваемой застежки из Стаево – у фибул интересующего нас круга, особенно крупных размеров, лучей больше, причем, как правило, намного. Учитывая сказанное, предположение о восточноевропейском производстве (первоначально – по привозным образцам) уже типологически ранних фибул рассматриваемого круга выглядит весьма вероятным (см. об этом подробнее в следующей части данной статьи).

Представленная фрагментами пара фибул из коллекции Диргардта (рис. 12,4–5) Й. Вернером отнесена к южнорусским формам и датирована второй половиной V в. [105, S. 29]. Однако использование позолоченного серебра, как у рассматриваемых изделий, более показательна для ряда центрально- и западноевропейских пальчатых фибул; не противоречит такой атрибуции и характеристика морфологических элементов, представленных на диргартовской паре. Эти фибулы типологически не раньше рассмотренной чуть выше стаевской, т.е. не исключают датировку и первой третью VI в., а учитывая отсутствие данных о большей части ножки, и несколько более позднюю (ср. ниже о находке из Тортоны).

Этой диргартовской паре очень близка находка из Тортоны в Италии (рис. 12,3; 18,2), которая может рассматриваться как более дешевое воспроизведение таких образцов. Это сопоставление – еще один аргумент против южнорусской атрибуции рассмотренных фибул из коллекции Диргардта. Интересующая нас находка из Тортоны происходит из коллекции, связываемой с раскапывавшимся в конце XIX в. остготским могильником (документация отсутствует), из которого гипотетически реконструируется 6 комплексов [56; 57, S. 322–327, Tav. XLIV–XLIV]. Хотя для хронологических рамок некоторых из этих вещей не исключен и несколько более ранний отрезок (эпоха Одоакра), а для рассматриваемой фибулы местные прототипы (как рис. 7,5; см. выше, о типе Бакодпуста), набор находок из важной для нас тортонской коллекции в целом делает наиболее вероятной ее остготскую атрибуцию, т.е. хронологические рамки от 490-х до 550-х гг. Отметим, что Ф. Бирбрауер отнес рассматриваемую фибулу к ранним формам, т.е. принесенным остготами в Италию [56, S. 13–14, 24; 57, S. 106].

Фрагменту фибулы из Стаево-5 (рис. 4,2; 18,29; 19,29), как и рассмотренному выше экземпляру с соседнего поселения, мы не знаем точных аналогий. Ножки, расширенные ближе к дужке, с двумя округлыми боковыми выступами, имеются у многих фибул, в т.ч. с ножкой, украшенной ромбами, как центральноевропейских (в основном гепидских), так и крымских (в основном боспорских) типов. Однако

в этой выборке каплевидные очертания «ромбов» на ножке более характерны для ряда фибул гепидского круга. Имеются в Подунавье аналогии и/или прототипы и другим элементам рассматриваемой стаевской застежки. Судя по всему, она сделана в гепидских традициях, но в Подунавье или по привезенным оттуда образцам в Восточной Европе (ср. выше о другой находке из Стаево) – сказать трудно.

Находка из Майнца (рис. 11,1; 18,3) особенно выделяется на фоне рассматриваемых фибул необычно крупными боковыми выступами на ножке и своеобразными «надставленными плечиками» при переходе от ножки к дужке. Нам не известны традиции, где такие детали давали бы выразительный ряд. Остальным деталям рассматриваемой находки нетрудно найти аналогии в Подунавье и Италии. Судя по всему, экземпляр из Майнца является единичной вариацией, сделанной в указанных регионах или под влиянием тамошних восточногерманских традиций.

Для девяти рассматриваемых фибул характерны ножки с боковыми выступами в виде птичьих головок (Список 2.В.2; рис. 10,2; 11,2; 12,1–2; 18,26), что, наряду с размерами (длина, судя по известным находкам, 95–99 мм) и другими признаками, позволяет выделить их в особую **серию Лучистое**. Аналогичные фибулы, имеющие, как правило, другую орнаментацию пластин, отнесены Х. Кюном к типу 3/ Керчь, И. П. Засецкой – к варианту 1 вида I и варианту 1 подвида IVa [79, S. 92–94; 27, рис. 3,1,8]. Типологический контекст и зона концентрации находок не вызывают сомнений, что производство таких фибул связано с Боспором. Однако серия Лучистое имеет иной ареал – семь фибул происходит из раскопок А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой близ Алушты на Южном берегу Крыма, одна пара предположительно связывается с Черниговской областью, не исключая других регионов Украины.

Самая ранняя фибула этой серии найдена в Лучистом, в детском погребении 5 из слоя 2 склепа 268¹⁰. Это погребение датировано последней четвертью VI в., т.к. под ним находилось захоронение с орлиноголовой пряжкой варианта 1 (второй половины VI в.), а над ним – погребение с орлиноголовой пряжкой варианта 2 (конца VI – первой четверти VII в.). Рассматриваемая фибула отличается от остальных экземпляров серии Лучистое тем, что для крепления оси пружины у нее сделана одна центральная стойка, а не две, расположенные по бокам от дужки. Пара фибул этой серии происходит из погребения 7 слоя 4 склепа 228. С ней найдена и орлиноголовая пряжка варианта 3, что определяет дату комплекса около второй четверти VII в.

Другая пара фибул серии Лучистое (рис. 10,2; 11,2) найдена в склепе 59, погребении 19. Оно относится к наиболее ранним захоронениям в слое 4 этого склепа, которые датированы первой четвертью VII в. [4, с. 21–23, 82–89, рис. 4]. Еще пара фибул этой серии (рис. 12,1–2) происходит из погребения 1 склепа 100, не опубликованного полностью, как это образцово сделано А. И. Айбабиным и Э. А. Хайредино-

¹⁰ Фибулы из склепов 268 и 228 не опубликованы. Информация предоставлена Э. А. Хайрединовой. Типология и хронология сопутствующего инвентаря дана по А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой [3]. Мы приносим Эльзаре Айдеровне и Александру Ильичу благодарность за их очень ценные дополнения.

вой пока для находок из могил 1–80. В предварительных публикациях этот комплекс датирован по орлиноголовой пряжке варианта 2 концом VI – первой четвертью VII вв. [2, с. 273, 276–280, табл. XIX,4,6; 44, рис. 1; 3, с. 20, рис. 12]. При наличии некоторых дискуссионных моментов в хронологической системе крымских коллег [напр.: 21], в данном случае предложенная ими датировка представляется убедительной.

В лучистинских склепах 100 и 228 зафиксировано, что рассмотренные фибулы были попарно соединены длиной бронзовой цепью из восьмерковидных проволоочных звеньев. Такой элемент убора неоднократно встречен в Лучистом, причем с фибулами разных традиций [напр.: 3, табл. 157; 4, табл. 75; 129]. Аналогичные блоки нагрудного убора распространены довольно широко, но на Боспоре таковых нам не известно.

Одна из фибул серии Лучистое (рис. 10,2) собрана из двух частей: ножки, имеющей аналогии на Боспоре, и головной пластины с лучевым орнаментом, аналогии которой хоть в небольшом количестве, но известны в Крыму. Возможно, этот сборный экземпляр стал «родоначальником» серии Лучистое. Впрочем, комбинации элементов фибул разных типов использовались ювелирами и в ходе творчества, не обязательно в связи с ремонтом. Как бы то ни было, серию Лучистое следует связывать с мастерами, знакомыми с боспорскими традициями, но работавшими для иного потребителя.

Скорее всего, фибулы серии Лучистое были сделаны около конца VI в. в мастерской, связанной с общиной, оставившей могильник Лучистое¹¹. Они использовались на протяжении жизни практически одного поколения и вышли из обихода во второй четверти VII в. Судя по всему, эта серия маркирует кратковременный и узколокальный эпизод в истории ремесла Крыма. Попадание пары таких фибул на север (см. список 2.В.2, по данным интернета), если информация о ней верна¹², вполне вписывается в контекст крымско-днепровских контактов, весьма интенсивных и в интересующее нас время.

На фоне рассмотренных вариаций, возникших в разной среде на основе образцов типа Бакодпуста или близких ему, выделяется и **серия Стаево** (список 2.В.1). От них ее отличают сочетание сравнительно небольших размеров (до 60 мм по известным находкам), небольшого числа лучей на головной пластине (в основном, по шесть), одной стойки для оси пружины, сложно профилированных «пальцев», двух боковых округлых выступов на ножке и ее каплевидного завершения. Четыре ставские находки образуют типологический ряд, «ступени» которого фиксируются в

¹¹ В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что кратковременное усиление в Юго-Западном Крыму элементов боспорских традиций связано с бегством части ремесленников из боспорских центров, пострадавших от тюрков в 576 г. [о тюркских разгромах на Боспоре см.: 2, с. 134–142; там др. литература].

¹² Есть данные о торговле вещами из грабятых могильников Крыма, выдаваемыми за находки из лесостепных и других регионов Украины.

виде вариантов от 1 (по нашему мнению, типологически наиболее архаичного) до 3 (наиболее типологически далекого от первого).

Два экземпляра (рис. 3) сделаны по одному образцу, или один послужил образцом для другого. Об этом свидетельствует совпадение формы и расположения основных деталей, хотя они и отличаются особенностями проработки, что отражает индивидуальную доделку формы для каждой отливки и затем изделия. Судя по иглоприемникам, загнутым в разные стороны, они, скорее всего, образуют пару в одном уборе [см. об этом: 52, с. 305–306]. Обе фибулы не имеют потертостей и других следов ношения, а одна из них (рис. 3,1) – бракована. Размер (длина около 60 мм), каплевидная орнаментация ножки, округлые боковые выступы со «срезанным» сегментом, крупный концевой выступ, пальцы с одним валиком и иногда подтреугольным концом, другие детали позволяют выделить эти находки в вариант 3 серии Стаево.

Матрица, найденная в Стаево (рис. 2,1), относится к варианту 1, отличающемуся от варианта 3 меньшими размерами (длина 54 мм), более четкой проработкой орнамента пластин, ромбическими (с учетом как бы срезанных углов) ножкой и ее орнаментом, округлыми боковыми выступами, размерами и оформлением концевого выступа на ножке, «пальцами» с двумя валиками и другими деталями. Отметим и слабый загиб по часовой стрелке «лучей» на головной пластине.

Фибула с ремонтировавшейся стойкой для оси пружины (рис. 2,2), как и ставские варианты 3, не имеет видимых следов ношения. Она относится к варианту 2, занимающему в типологическом ряду «промежуточное» место между вариантами 1 и 3.

Экземпляр из Ольвии с утраченным концом ножки, судя по доступному нам изображению (рис. 11,4), ближе всего рассмотренным вариантам 2 или 3. Конечно, по мере увеличения числа находок, характеристики вариантов необходимо будет уточнить.

Все четыре рассмотренные находки из Стаево, судя по всему, связаны с производством фибул серии Стаево. Есть все основания локализовать этот ремесленный центр на поселении Стаево-5. Пока мы затрудняемся с ответом на вопрос: отражает ли типологический ряд от варианта 1 к варианту 3 реальную эволюцию в рамках рассматриваемого типа (и производственного центра) или различие вариантов связано с другими причинами?

Для датировки серии Стаево и ее вариантов пока нет выразительных комплексов. Отметим, что эти фибулы явно не относятся к типологически ранним пальчатым застегкам. Большое число находок, связанных с производством, а не использованием фибул в костюме, свидетельствует в пользу соотнесения рассматриваемой серии с поздними этапами существования интересующих нас ставских поселений.

О серийности можно говорить и в отношении типологически не ранних фибул **гепидского и итало-готского круга**. Для того и другого более характерны иные типы фибул с ромбической орнаментацией ножки или с головной пластиной,

украшенной лучами. Границы между этими (и не только) типами застегек весьма подвижны – многие детали экземпляров разных типов имеют переключки. Остановимся на некоторых находках, в которых влияние интересующего нас сочетания орнаментации пластин проявилось наиболее отчетливо (список 2.В.4).

Пара фибул из Сентеша–Кёкеньцуга (рис. 13,2–3) отличается от рассматриваемых в данной работе тем, что центральная часть ножки у них заполнена не вписанными друг в друга ромбами, а комбинацией из примыкающих друг к другу ромбиков. Такое решение центральной части показательное для ряда типов фибул меровингского круга, но известно также у гепидов и остготовов [напр.: 80, Taf. 263,66/1–8,10–11,13; 264,66/14–16,19; 267,12/1–9; 268,12/10–29,31–34; 269,12/35–40,43,47,55; 270,12/65,67; 78, Taf. 28,2–3; 29,5–7; 31,8; 32,3; 35,6; 51,5; 57, Tav. XLIV,1–2; LXIV,1–2; LXXXII,3].

У находки из Сентеша–Надьхедь (рис. 13,1), напротив, интересующее нас сочетание орнаментальных композиций составляет центр, имеющий кайму из колечек, характерную для многих гепидских фибул. Аналогичная композиция не чужда и итало-готским фибулам [напр.: 57, Tav. II,1; XXIX,2; LXIV,3; LXXII,1–3,5–7], правда, для них показательна переработка полос из S-видных деталей, не редких на восточногерманских изделиях, в плетенку, а не колечки.

Рассмотренные экземпляры происходят из обширных грунтовых могильников, одна из зон концентрации которых находится на территории г. Сентеш и близ него (рис. 18,17). Их гепидская атрибуция по письменным источникам у специалистов не вызывает сомнений. У застегек из памятников этого круга можно найти аналогии практически всем деталям рассматриваемых экземпляров, в т.ч. признаки, диагностичные именно для гепидских традиций [см. аналитические очерки в сводах: 59; 68; а также: 74, р. 109–110; 29, с. 194; 24; там более ранняя литература].

У фибулы из Крань (рис. 13,5; 18,9) орнамент пластин аналогичен тому, что у рассмотренной находки из Сентеша–Надьхедь. Отличаются лишь их размеры и набор выступов на ножке; впрочем, и они вполне вписываются в характеристики обычных гепидских находок. То, что могильник Крань территориально и хронологически связан с Остготским королевством, не противоречит сказанному – о присутствии гепидов в дружинах этого объединения известно по письменным источникам, контакты гепидов и остготовов фиксируются и другими находками [напр.: 57, S. 50–51, 100–101, 125–126, 141–142, 228–230; 14, с. 432, 463, 505].

Фибула из Колленьо (рис. 13,6; 18,1) по контексту памятника принадлежит итало-готскому кругу, что определяет и дату в рамках не ранее 490-х гг. Орнамент на ее головной пластине может быть развитием того, что представлен на особых вариациях типа Бакодпуста (рис. 7,1,2), но, конечно, не только у них. На пятипалых и близких им фибулах он встречается в основном у застегек меровингского круга [напр.: 80, Taf. 268,12/12,20; 269,12/52; 281,22/7,16–17; 288,27/1,3–4,6–10; 289,78/4; 77, Taf. 12,8–9; 13,1–4; 15,1]. Это не удивительно, учитывая разнообразные контакты остготовов с франками, да и положение памятника недалеко от границ Франкского королевства. Поперечное членение центрального ромба на ножке фибулы из Кол-

леньо – весьма редкая композиция, но не чуждая остготским фибулам [напр.: 57, Тав. LIII,3; LIV,2].

Прекращение этих традиций обусловлено крушением Остготского королевства, уничтожением его элиты в ходе долгой кровопролитной войны с Византией, уходом ядра остготской армии в 552 г., вскоре последовавшей ассимиляцией оставшихся в Италии носителей восточногерманского убора. Схожая или несколько более широкая дата (в рамках последних десятилетий V – середины VI вв.) приемлема и для рассмотренных выше гепидских экземпляров, учитывая, что для Подунавья аварского времени (с 567/568 г.) такие изделия не характерны, хотя влияние интересующей нас орнаментики прослеживается и в VII в., например, на ряде фибул типов IG, IC, IK славянской группы по Й. Вернеру [104].

Список центрально-, южно-, да и западноевропейских фибул с элементами интересующей нас орнаментики, учитывая проницаемость границ типов, можно существенно расширить. Однако сказанного о выборке выразительных образцов достаточно для понимания тенденций развития рассматриваемых застёжек к западу от Карпат.

Фибулы с ромбовидным орнаментом ножки или головной пластиной, украшенной лучами, в лесостепной зоне Восточной Европы и их историко-культурный контекст

Резко возросшее в недавнее время число находок фибул с указанными характеристиками позволяет рассматривать лесостепную полосу от Поднепровья до Подонья и примыкающие к ней регионы в качестве особой зоны концентрации и эволюции интересующих нас застёжек (рис. 19).

Достоверных фибул типа Бакодпуста здесь пока не найдено, но по данным интернета зафиксированы другие типы трехпалых фибул без боковых выступов на ножке. Кроме того, некоторые фрагменты застёжек (рис. 11,6; 14,1,4,6; находка из Суджанского р-на по списку 3.Д) не исключают отнесение их к типу Бакодпуста. Кругу архаичных форм принадлежат и пятипалые фибулы без боковых выступов на ножке (рис. 5). Практически все перечисленные вещи на фоне центрально- и южноевропейских находок обладают определенным своеобразием.

Окончание ножки фибулы из Курска (рис. 14,4; 19,24), как было отмечено выше при рассмотрении интересующих нас пятипалых фибул, имеет восточно-европейский круг аналогий. Кроме того, она – полая, что у ножек фибул встречается очень редко, но именно так сделано окончание ножки экземпляра из Спас-Перекши (рис. 5,2; 19,30). Полые и «пальцы» головной пластины у застёжки из Курской области (рис. 15,5), впрочем, это встречается почаще. Отмеченную форму окончания ножки имеет и находка из Стаево-4 (рис. 5,1; 19,29), которую сближает со спас-перекшинской и уникальное для фибул рассматриваемого круга, да и вообще редкое, сочетание ножки без боковых выступов и головной пластины, имеющей 5 «пальцев».

Своеобразны и головные пластины этих фибул. У стаевской (рис. 5,1) она украшена пятилучевой композицией, что не встречено у крупных фибул интересующего нас круга (см. выше часть о типологии). Экземпляры из Спас-Перекши и Курской области (рис. 5,1; 15,5) сближает наличие многовитковой спиральной орнаментации головной пластины. А. К. Амброз рассматривал такую композицию декора среди признаков выделенной им верхнеднепровской школы ювелирного ремесла, сложившейся на основе дунайских традиций [8]. Дискуссия о возможном дунайском производстве отдельных вещей из Поднепровья [напр.: 43] не противоречит этой точке зрения [о вещах, связанных с этим кругом, см.: 11; 66, р. 150, 152–153; 30, с. 94–103; там библиография].

На фоне рассматриваемых находок, экземпляр из Курска (рис. 14,4) имеет особенно четкую проработку деталей и может вполне корректно сопоставляться с дунайскими изделиями ступеней D2/D3 и D3, ставшими образцами для восточно-европейского производства (напр., рис. 14,6,8 [1, с. 20]). Эта вещь, учитывая круг рассмотренных аналогий, относится к наиболее ранним свидетельствам таких переработок, в данном случае, судя по всему, связанных с лесостепью востока Днепровского Левобережья.

Ножка фибулы из Суджанского района (рис. 11,6; 19,22), не имеющая боковых выступов, украшенная ромбами, с двурогим/лопатковидным концевым выступом, как было отмечено выше (см. о типе Бакодпуста), является имитацией «стильных» дунайских образцов. Она, как и головная пластина трехпалой фибулы с лучевой орнаментацией, найденная в том же районе (см. список 3.Д), может быть фрагментом привозного изделия, но не исключено, что изготовленного в Восточной Европе, даже в регионе находки. В любом случае эти экземпляры вписываются в контекст, рассмотренный чуть выше в связи с исследованием ножки фибулы из Курска. Имеются и другие данные о производстве в ареале колочинской культуры вещей, связанных с дунайскими традициями V в. как через лесостепь, так и по трассам в лесной зоне (см. прим. 9).

Ножка фибулы из Ксизово (рис. 14,1; 19,28) украшена ромбами, выполненными углублениями. Такой способ нанесения орнамента на других фибулах рассматриваемого круга нам не известен. Скорее всего, это местная имитация образцов, у которых композиция из ромбов выполнена в кербшнитной технике. Интересующие нас поселение и могильник в Ксизово относятся к группе Чертовицкое – Замятино, верхняя хронологическая граница которой датируется в рамках второй половины V в. (см. в начале статьи). Сказанное свидетельствует о востребованности орнамента в виде вписанных ромбов и на Верхнем Дону вскоре после того, как он начал употребляться для изделий варварского круга на Среднем Дунае.

Лучевая орнаментация головной пластины показательна для фибул серии Перехваль типа Мощенка (рис. 17; список 3.Г и прим. 3). Сочетание пятипалой головной пластины и ножки, типичной для не поздних двупластинчатых

фибул, определяет дату появления этой серии в пределах второй половины V в. Выделивший такие находки И. О. Гавритухин, отметил их восточноевропейский контекст [17, с. 213–214, рис. 1,10; 18, с. 30]. Новые материалы свидетельствуют, что этот контекст связан, главным образом, с зоной Днепро-Донской лесостепи (рис. 19,к), а единичные находки в Крыму [17, с. 214, рис. 2,12,13,15], судя по всему, являются привозными или сделанными по лесостепным образцам.

Находки в лесостепи и на юге лесной зоны головных пластин с лучевой орнаментацией (рис. 14,2,6,7; 19,з-и), вне зависимости от особенностей утраченной ножки этих застёжек, дополняют данные о популярности этого орнаментального мотива в рассматриваемом регионе. Часть этих изделий, скорее всего, привезена из Подунавья (например, рис. 14,6, судя по расположению стоек для оси пружины, характерному для ряда дунайских типов), но большинство, более вероятно, местного производства. К привозным образцам (судя по технике изготовления и линии развития, связанной с Подунавьем), способствовавшим распространению в восточноевропейской лесостепи орнамента в виде вписанных ромбов, относится пряжка из Пекарей (рис. 14,8) [см. обзор: 25, с. 319].

Аналогичная картина – наличие изделий эпохи Аттилы (привозных и/или сделанных по дунайским образцам) и возникновение вскоре в Днепро-Донской лесостепи местных серий застёжек, оказавших влияние, как минимум, до Крыма – зафиксирована при рассмотрении причерноморской серии фибул подгруппы Левице – Токари [64, р. 212–214, 120–123; 23]. О местном производстве свидетельствуют не только результаты картографирования и типологические наблюдения, но и наличие в V в. вероятных баз для этого – центров ювелирного ремесла, например, на Острой Луке Дона, где проводились обширные целенаправленные раскопки [38, с. 113]. Детальный анализ изделий других типов, несомненно, дополнит эту картину (см. прим. 9; ряд наблюдений и библиографию в [30]).

Судя по всему, в ходе распада Гуннской державы после битвы на Недао (около 454 г.) интересующая нас ее северо-восточная периферия некоторое время сохраняла единство. Здесь в ряде явно взаимосвязанных ремесленных мастерских от Среднего Поднепровья до Верхнего Подонья сформировались локальные формы изделий. Влияние продукции этих центров (малопримечательной на общем фоне) вплоть до Крыма позволяет предполагать, что рассматриваемое объединение имело и существенный военно-политический вес.

Удар по этому объединению могло нанести появление пришельцев из Азии в 460-х гг. или другие события, последовавшие за этими [см. обзор: 28, с. 103–104]. Во всяком случае, вещи наступившей эпохи, происходящие из бассейна Среднего Днепра, как правило, принадлежат сериям, отличающимся от даже

однотипных им находок в Верхнем Подонье, а нередко это различие фиксируется уже на уровне типов¹³. Такую картину можно проследить и по фибулам, рассматриваемым в данной статье.

В Среднем Поднепровье известны фибулы, ножка которых имеет боковые выступы и украшена вписанными ромбами, а головная пластина орнаментирована спиралями (рис. 15,1,2,4; 19,г-д; список 3.Б). На Дону таких изделий пока не найдено.

Находки из Игрени и Канева или его окрестностей (рис. 15,1,2) имеют ближайшие аналогии в Крыму (рис. 15,3 [25, списки 4д и 4е на с. 338, рис. 12,5,19]), что отражает сохраняющиеся контакты Поднепровья с Крымом. В этой связи отметим массово распространенные в Поднепровье местные имитации литьем боспорских двупластинчатых фибул с боковыми стойками на головной пластине, выделенные И. О. Гавритухиным в тип Новоселица [18, с. 30, рис. 22,16; 30, с. 100, рис. 14,10–13]. На Верхнем Дону они не известны.

Однотипная рассматриваемым здесь застёжка из Среднего Поднепровья (рис. 15,4) принадлежит гепидскому кругу¹⁴, зона влияния которого хорошо прослеживается от территории Польши и Восточного Прикарпатья до Днепровского Левобережья и Северо-Восточного Причерноморья [71, S. 94–105; 74; 29; 24]. Среди находок, особенно интересующих нас, ее очерчивают фибулы типа Морешть (рис. 16; 19,в; список 3.А). Их находки в Южной Польше (рис. 16,2) и довольно многочисленные из западных областей Украины (рис. 19,1–3,6) мало отличаются от собственно гепидских; они привезены из Подунавья или являются репликами тамошних образцов¹⁵. Лишь в Мазурском Поозерье и Поднепровье выделяются местные вариации.

Яркий пример последних – экземпляр из Мартыновки (рис. 16,1), имеющий на обороте ножки «ребро жесткости» и форму пальцев, не характерные для гепидских изделий, но получившие развитие на фибулах, показательных для убора, представленного вкладах круга Мартыновки [17, с. 209]. Вопрос о появлении «ребер жесткости» [см. о них: 50] на днепровских фибулах остается открытым. Ближайший по времени и территории их предшественник известен на фибулах варианта Херсонес причерноморской серии подгруппы Левице – Токари [17, с. 209; 64, р. 114]. Нельзя исключить, что этот прием, восходящий

¹³ М. М. Казанский [30, с. 94–107] и И. О. Гавритухин (прим. 9) отмечают для этого времени локальные отличия и внутри Днепровского региона, но в целом не сомневаются в его своеобразии на фоне соседних.

¹⁴ К сожалению, по схематичному рисунку нельзя определить к какому кругу относится фибула из Бужима (рис. 14,5; 19,14).

¹⁵ К этому кругу относится и типологически более ранняя находка из Широкой Гребли (см. в списке 3.Б; рис. 19,5).

к образцам основной серии этой подгруппы, появился в Поднепровье при участии крымских мастеров. Как бы то ни было, рассматриваемая мартыновская и ряд других застежек [напр.: 18, с. 30–33; 19, с. 482; 30, с. 103–107], сделанных в Поднепровье, показывают среду, в которой сформировались фибулы, характерные для комплексов круга Мартыновского клада.

Непосредственное доказательство производства фибул, рассматриваемых в данной статье, дает бракованный полуфабрикат, найденный в Белгородской области (рис. 4,1; 19,26; список 2.Г). У него трапецевидное сечение дужки, что имеет аналогию у однотипных находок из Стаево-5 (рис. 3). Есть в Стаево-5 и фибула с ножкой, поле которой оформлено так же, как у белгородского экземпляра (рис. 2,2). Однако схожее оформление ножки известно и у фибул из днепровского региона (например, рис. 16,1), а редко встречающееся трапецевидное сечение дужки вполне могло появиться как комбинация широко распространенных дужек треугольного сечения с теми, которые имеют вертикальную полосу по центру (как рис. 11,5; 13; 15,2–4; 16 и подобные). Наконец, наличие на боковых выступах у ножки циркульной орнаментации, имитирующей вставки, как у рассматриваемой белгородской застежки, не зафиксировано у находок с Дона.

Из-за отсутствия ряда деталей трудно сказать, в какой степени этот полуфабрикат связан с типологически более ранними днепровскими фибулами интересующего нас круга, а это представляется вполне вероятным. Впрочем, не исключено что белгородский экземпляр непосредственно связан с гепидскими образцами (как рис. 13,4 или подобными) и вполне вписывается в контекст днепровских фибул, рассмотренный выше на примере фибул типа Морешть.

Существенно иная картина прослеживается на Дону. Здесь к концу V в. прекращается жизнь на поселениях типа Чертовицкое – Замятино, и часть этого населения сдвинулась к верховьям р. Воронеж, где сформировалась линия Ярок верхневоронежской группы (см. в начале данной статьи). В последней явно ослабевают контакты с Подунавьем, в предшествующее время весьма выразительные, а в ряде случаев и непосредственные [22, с. 235–237]. Однако верхневоронежское население не осталось в изоляции, его связи в южном секторе, вплоть до Крыма и Северного Кавказа, остаются сильными (см. некоторые примеры в начале данной статьи).

Своеобразие не ранних вариаций рассматриваемых фибул, найденных в верховьях р. Воронеж (рис. 2; 3; 4,2), в какой-то степени объяснимо развитием традиций, представленных в Верхнем Подонье более архаичными вариациями интересующих нас застежек (как рис. 5,1; 14,1; см. подробнее ниже). Следует иметь ввиду и то, что некоторые находки из Стаево имеют весьма далекое (как минимум, до Византии) происхождение [37, с. 308–316]. Скорее всего, они попадали на Дон через Азовское и Черное моря, не минуя Крым. Этому есть примеры и на интересующих нас фибулах.

Фибула из коллекции Бертъе-Делагарда (рис. 11,4), относящаяся к серии Стаево (см. выше, о пятипалых фибулах), числится как происходящая из Ольвии. Даже если

это не так¹⁶, едва ли эта вещь найдена вне Северного Причерноморья, с которым связаны научные интересы и археологическая коллекция А. Л. Бертъе-Делагарда [54]. Сердцевидный вырез на концевом выступе ножки у матрицы из Стаево (рис. 2,1) имеет ближайшие аналогии у экземпляра из Херсонеса (рис. 15,3). Тем не менее, нет оснований, чтобы говорить о формировании прототипов рассматриваемых верхневоронежских застежек в Крыму, где фибулы с ножкой, украшенной ромбами, весьма многочисленны, но относятся к другим типам. По сумме признаков, ближайший аналог серии Стаево (рис. 2; 3; 11,4; список 2.В.1) – серия Лучистое (рис. 10,2; 11,2; 12,1–2; список 2.В.2). Однако это сходство вполне объяснимо как конвергентное; по крайней мере, нет достаточных оснований считать, что серия Стаево производна от серии Лучистое или наоборот.

Скорее всего, рассматриваемые верхневоронежские фибулы являются результатом местного развития, конечно, не исключающего влияния, в т.ч. из Крыма или опосредованными образцами, попадавшими в Крым [см., напр., о гепидских фибулах: 24].

Как было отмечено выше, производство интересующих нас фибул в Поднепровье развивалось отдельно от верхневоронежского, хотя ремесленные центры этих регионов имели тесно связанные истоки. Особенно показательно наличие в бассейне р. Воронеж памятников линии Кривец, с которых происходит представительный ряд фибул и деталей ременных гарнитур днепровских серий, характерных для кладов круга Мартыновки [33, с. 194, 195]. Ни одной такой вещи не найдено на памятниках линии Ярок, хотя, не исключено, что она сосуществовала с линией Кривец, как минимум, некоторое время (см. в начале данной статьи).

Фибулы, имеющие ромбическую орнаментацию ножки и лучевую головной пластины, в Поднепровье не образуют серий, хотя некоторые делались там (как минимум, экземпляр на рис. 4,1). Они являются единичными вариациями в процессе творчества местных мастеров, результатом которого стало формирование около конца VI в. или в начале VII в. устойчивых типов и вариантов фибул, характерных для кладов круга Мартыновки, но существенно отличающихся от интересующих нас.

Рассмотренные фибулы, связанные с памятниками линии Ярок, представлены как несерийными экземплярами (рис. 4,2; 5,1), так и серией Стаево (рис. 2; 3). Напомним, что кроме матрицы для производства застежек этой серии (рис. 2,1), в Стаево-5 найдено еще пять матриц, которые предназначены для изготовления частей ременных гарнитур (см. в начале данной статьи). Их детальное исследование продолжается, но уже сейчас можно говорить, что аналогичные накладки и наконечники ремней представлены, как минимум, от Поволжья до Причерноморья и Кавказа.

¹⁶ Продавцы нередко указывали для некоторых вещей, особенно невзрачных, на связь с памятником, получившим известность или интересующим покупателя. Сами эти вещи могли быть найдены в другом месте.

Судя по всему, продукция, связанная с этими матрицами, могла распространяться весьма широко.

Иное дело – фибулы. Потребителями фибул серии Стаево являлись, судя по всему, люди, оставившие памятники линии Ярок верхневоронежской группы, даже, не исключено, что лишь представители одной или нескольких общин. Столь же узкий круг потребителей, но в варварской округе византийской крепости Алустон, имела, вероятно, серия Лучистое. Появление единичных фибул этих серий вдалеке от концентрации целевых потребителей (см. списки 2.В.1 и 2.В.2), наверное, связано с перемещением людей из этих общин.

К сожалению, четких оснований для датировки публикуемых стаевских фибул у нас пока нет, ни по комплексам на памятниках, ни по прямым аналогиям (все эти застежки в той или иной степени весьма своеобразны). В целом же, фибула из Стаево-4 (рис. 5,1) соответствует кругу довольно архаичных форм рассмотренных фибул. Ее наиболее вероятная датировка пока такова: вторая половина или около последних десятилетий V в. (не ранее появления линии Ярок верхневоронежской группы, вероятно, сменяющей группу Чертовицкое – Замятнино; см. в начале данной статьи) – около первых десятилетий, не позднее первой половины VI в. (учитывая, что в это время фибулы с ножкой без боковых выступов повсеместно выходят из употребления, а верхневоронежскую группу, с ее широким спектром связей, трудно отнести к зоне, где долго бытовали реликты стилей, вышедших из «моды»).

Находки из Стаево-5 (рис. 2; 3; 4,2) явно типологически позднее только что рассмотренной. Впрочем, пятипалые фибулы с боковыми выступами на ножке известны со второй половины V в., а их массовые серии распространяются едва ли существенно позже шикарных единичных образцов, показательных для ступени D3. В VI в. такие формы принадлежат к господствующим, но не чужды и контексту VII в. Дата экземпляра, представленного в Стаево обломком (рис. 4,2), скорее всего, не выходит за рамки конца V – VI вв., учитывая наибольшие типологические «переклички» с «классическими» гепидскими и типологически близкими им фибулами (как рис. 13; 15,4; 16 и многие другие), хотя, конечно, не только с ними.

Варианты серии Стаево (рис. 2; 3), судя по всему, близки друг другу по времени. Напомним, что эти экземпляры составляют более половины образцов пальчатых фибул из Стаево-5. Как правило, если поселение гибнет или оставлено внезапно (судя по ряду признаков, так произошло в Стаево-5), то значительное число находок относится к этому времени. Этот аргумент в пользу датировки рассматриваемой серии первой половиной – серединой VII в. (см. о верхней хронологической границе линии Ярок в начале данной статьи), конечно, косвенный. Однако более существенных оснований для сужения ее даты мы пока не видим.

Прямых прототипов и близких аналогий для рассматриваемых стаевских фибул за пределами верхневоронежской группы мы не знаем, что свидетельствует в пользу предположения об их местном производстве. Для серии Стаево находка ма-

трицы и бракованного экземпляра не оставляет особых сомнений в таком утверждении.

Чтобы подвести черту (но не итог) предварительным наблюдениям и предположениям, напомним, что еще несколько лет назад никто даже не подозревал о существовании не только коллекции фибул и матрицы, которым посвящена данная статья, но и Стаевского торгово-ремесленного центра. Надеемся, что к следующему юбилею Александра Ильича мы сможем немало добавить к сказанному здесь¹⁷.

Список 1

Пальчатые фибулы и матрица, ножка которых украшена вписанными ромбами, найденные в Стаево

Раскопки и сборы А. М. Обломского (рис. 1Б; 18,29; 19,29). Описание, рисунки и большинство фото выполнены И. О. Гавритухиным, что объясняет непрофессионализм некоторых технических деталей. В представленном виде эти находки публикуются впервые.

1. Стаево-5, сборы 2016 г., № 475. Матрица (рис. 2,1). Общая длина 54 мм. Основа полукруглой (с внутренней стороны, напротив «пальцев» – слабо выраженные углы) головной пластины (16x11x1,4 мм) имеет высокий бордюр треугольного сечения; внутри – 6 «лучей», с третьего по пятый – слегка загнутых в направлении по ходу солнца, в этом же направлении возрастает расстояние между «лучами». Каждый из 5 «пальцев» (длина 4,5–5,5 мм) имеет грибовидный конец и 2 рельефных валика на ножке. Дужка (длина спереди 13, сзади 8,5 мм, высота изгиба 4,5 мм) пятиугольного сечения (5–6x2–2,5 мм) ближе к головной пластине немного шире и ниже, чем у ножки, а сзади имеет неглубокую выемку (т.н. не сильно полая). Ножка в форме ромба, с двумя боковыми и концевым выступами (30x17 мм с задней стороны); в основу (ее края скошены, высота 1,4 мм) вписано 3 ромба, центральный имеет вид вытянутой пирамидки, 2 других образованы бордюрами, из них у внешнего ромба один бордюр имеет вид вытянутого треугольника, один – очень слабо проработан, прочие бордюры у этих ромбов более ровные, треугольные в сечении. Боковые выступы высокие (2,5 мм) округлые, со скошенными краями (диаметр снизу 5 мм, сверху 4 мм). Концевой выступ отделен рельефным валиком, имеет каплевидную форму, сегментовидное сечение (11x6x2,5 мм), углубление в виде сердечка с приподнятой центральной частью. оборот заглажен, но имеются небольшие понижения, где шероховатость сохранилась. Похоже, что первоначально имелись иглоприемник

¹⁷ В день сдачи нашей статьи в редакцию (на пределе возможных сроков) мы получили информацию о находке в Липецкой области пары целых фибул, очень близких той, что представлена фрагментом, приведенном на рис. 4,2. За день до передачи нашей статьи в верстку нами были получены данные о находке в Рязанской области фибулы варианта 2 серии Стаево.

и стойка для оси пружины, но они были счищены под корень. Резьба четкая, но не аккуратная. Все изделие покрыто болотно-зеленой патиной¹⁸.

2. Стаево-5, раскоп 5, кв. В-4, культурный слой, глубина +23 см, № 133. Фибула (рис. 2,2). Общая длина 56 мм. Основа полукруглой головной пластины (15х10х1,3 мм) имеет высокий бордюр треугольного, местами близкого сегментовидному, сечения; внутри – 6 «лучей» (в сечении – низкие треугольники с заглаженной гранью), расстояние между которыми возрастает в направлении по ходу солнца. Каждый из 5 «пальцев» (3 центральных длиной 4–5 мм, 2 боковых – 3–3,5 мм) имеют грибовидный конец с 1 рельефным валиком на ножке; эти детали сильно сглажены. Дужка (длина спереди 12,5 мм, сзади 10 мм, высота изгиба 4 мм) сегментовидного сечения (5–4–6х1,2–1–2 мм) в центральной части, ближе к ножке, имеет наименьшую ширину и высоту; ближе к головной пластине слабо читаются 2 сильно сглаженных вертикальных ребра. Ножка в форме ромба, с двумя боковыми и концевым выступами (30,5х17 мм с задней стороны); в основу (ее края скошены, высота до 1,3 мм) вписано 3 ромба со скругленными боковыми углами, центральный имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром и ребром по длинной оси симметрии, 2 других образованы бордюрами (в сечении – низкие треугольники с заглаженной гранью). Боковые выступы высокие (2,2 мм) округлые, со скошенными краями (диаметр снизу 4,5, сверху 3,3 мм) и сильно сглаженными гранями. Концевой выступ отделен рельефным пологим валиком, имеет миндалевидную со срезанным концом форму, сегментовидное сечение (12,5х6х1,8 мм), углубление, с краями, параллельными абрису выступа, вдоль которых расположены 2 узкие листовидные врезки («глаза»). Оборот заглажен. Иглоприемник (длина в основании 6,5 мм, высота 1,8 мм) загнут вправо. В месте, где должна быть стойка для оси пружины, находится слой припоя, вероятно, для фиксации вставной стойки. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто темно-серой патиной, в местах потертости имеет золотистый (латунный) цвет.

3. Стаево-5, сборы 2017 г, № 260. Фибула (рис. 3,1). Общая длина 59 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев») головной пластины (17,5х11х2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения; внутри – 3 «луча» (в сечении – низкие немного асимметричные треугольники с заглаженной гранью), на месте еще нескольких «лучей» – отверстие (брак при отливке). Каждый из 5 «пальцев» (центральный длиной 6,5 мм, пара по бокам от него – 5,5–6 мм, пара дальних – 4–4,5 мм) имеют грибовидный немного заостренный конец с 1 рельефным валиком на ножке, который посередине расширяется, напоминая перемычку. Дужка (длина спереди 14 мм, сзади 10–11 мм, высота изгиба 6 мм) имеет

сечение в виде трапеции со срезанными нижними углами, вогнутым основанием (не сильно полая), сглаженными верхними гранями (6,5–6–6,5х3 мм), в центральной части ее ширина наименьшая. Ножка имеет форму асимметричного по длине ромба, 2 короткие стороны которого чуть выпуклые (в целом абрис напоминает каплю), с двумя боковыми и концевым выступом (30,5х16,5 мм с задней стороны); в основу (высота около 1 мм) вписано 3 фигуры; центральная имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром и скошенным боком, 2 других образованы бордюрами, имеют абрис, средний между длинным миндалевидным и каплевидным, со срезанными верхом и, у большего, низом; бордюры и край имеют сечение, близкое сегменту, лишь иногда напоминая низкие треугольники с заглаженной гранью. Боковые выступы высокие (около 2 мм) округлые, с как бы срезанным сегментом, со скошенными краями (диаметр снизу около 5,5 мм, сверху около 4 мм) и сглаженными гранями. Концевой выступ отделен рельефным валиком-полосой, имеет каплевидную со срезанным низом форму, внизу сегментовидное, вверху близкое трапецевидному сечение (13,5х8х2 мм), имеет углубление, перпендикулярное высоте выступа, с врезками вдоль оси симметрии выступа – двумя параллельными по центру и двумя боковыми в виде узкого сегмента. От линии боковых выступов ножка деформирована – отогнута назад. Оборот изделия неаккуратно заглажен, кроме дужки, полость которой не обработана. Иглоприемник (длина в основании 6,5 мм, высота до 7 мм) немного ассиметричен, загнут вправо. Стойка для оси пружины имеет вид полуокала; загнута влево из-за деформации. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто темно-зеленой (с более светлыми пятнами) патиной.

4. Стаево-5, сборы 2018 г. № 563. Фибула (рис. 3,2). Общая длина 60 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев», немного асимметричной из-за сужения бордюра слева) головной пластины (17х11х2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения; внутри – 6 «лучей» (в сечении – низкие, иногда немного асимметричные треугольники с заглаженной гранью). Каждый из 5 «пальцев» (центральный длиной 6,5 мм, пара по бокам от него – 5,5 мм, пара дальних – 4–4,5 мм) имеют грибовидный немного заостренный конец с 1 рельефным валиком на ножке, который посередине расширяется, напоминая перемычку. Дужка (длина спереди 14 мм, сзади 10–11 мм, высота изгиба 6 мм) имеет сечение в виде трапеции со срезанными нижними углами, вогнутым основанием (не сильно полая), сглаженными верхними гранями (6,5–6–6,5х3 мм), в центральной части ее ширина наименьшая. Ножка имеет форму асимметричного по длине ромба, две короткие стороны которого чуть выпуклые (в целом абрис напоминает каплю), с двумя боковыми и концевым выступом (30,5х16,5 мм с задней стороны); в основу (высота около 1 мм) вписано 3 фигуры; центральная имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром, 2 других образованы бордюрами, имеют абрис, средний между длинным миндалевидным и каплевидным, со срезанными верхом и, у большего, низом; бордюры и край имеют сечение, близкое сегменту, лишь иногда напоминая низкие треугольники с заглаженной гранью). Боковые выступы высо-

¹⁸ Для находок из Стаево материал не указан, т.к. планируется специальное исследование металла, из которого они сделаны. Впрочем, нет особых сомнений, что эти вещи изготовлены из сплава на основе меди. Для других находок он указан по данным публикации или определен визуально. Везде не отмечены случаи наличия железных окислов, связанных с пружинящим аппаратом (чаще всего, с осью для крепления пружины), вставки и др. детали.

кие (около 2 мм) округлые, с как бы срезанным сегментом, со скошенными краями (диаметр снизу около 5,5 мм, сверху около 4 мм) и сглаженными гранями. Концевой выступ отделен рельефным валиком-полосой, имеет каплевидную со срезанным низом форму, внизу сегментовидное, вверху близкое трапециевидному сечение (14х8х2 мм), имеет углубление, перпендикулярное высоте выступа, с врезками вдоль оси симметрии выступа – двумя параллельными по центру и двумя боковыми в виде узкого сегмента. От линии боковых выступов ножка немного деформирована – отогнута вперед. оборот изделия заглажен, кроме дужки, полость которой не обработана, имеет перпендикулярную дужке рельефную полосу. Иглоприемник (длина в основании 6,5 мм, высота до 7 мм) немного ассиметричен, загнут влево. Стойка для оси пружины имеет вид полуовала с чуть расширенной слегка ассиметричной закругленной частью; загнута вправо из-за деформации. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто зеленой (с пятнами) патиной.

5. Стаево-5, сборы 2016 г., № 27. Фрагмент фибулы (рис. 4,2). Общая длина 50 мм; первоначально – едва ли менее 75 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев») головной пластины (22х13х1–2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения, близ дужки он аналогичен «лучам»; внутри – еще 9 «лучей» (в сечении – низкие треугольники с заглаженной гранью, в ряде случаев почти сегменты). Каждый из 3 центральных «пальцев» (длиной 7–8 мм) имеет скругленный конец и 2 рельефных поперечных валика; на боковых «пальцах» (6 и 5 мм) заметны лишь следы валика; все детали, особенно на боковых «пальцах», как бы замыты. Дужка (длина спереди 22 мм, сзади 16 мм, высота изгиба 6 мм) имеет сечение (9–6,5–8х3–4–1,5 мм) в виде высокого треугольника со сглаженной вершиной, окаймленного двумя парами невысоких валиков (внутренняя – чуть выше внешней), основание вогнутое (дужка не сильно полая); центральный «гребень» дужки плавно понижается по направлению к головной пластине и ножке; с одной стороны часть внешнего валика утрачена при отливке. Ножка имеет форму ассиметричного по длине ромба с двумя боковыми выступами (ширина с задней стороны 22 мм); в основу (высота не более 0,5 мм) вписано 4 фигуры; центральная имеет вид длинной миндалины с возвышающимся центром, 3 других образованы бордюрами, имеют абрис, близкий каплевидному со срезанным низом; бордюры и край имеют сечение, близкое сегменту. Боковые выступы сравнительно невысокие (до 1 мм) округлые, с как бы срезанным сегментом, утоньшаются к краям (диаметр снизу около 5 и 4,5 мм). Внутри ножка имеет прогиб, почти незаметный с лицевой стороны. оборот изделия заглажен, кроме дужки, полость которой не обработана. Иглоприемник (длина в основании 9 мм, высота до 5 мм) ассиметричен, слегка загнут влево, но не может удерживать иглу. Стойка для оси пружины имеет вид полуовала с чуть расширенной слегка ассиметричной закругленной частью. Грани везде сглажены. Все изделие покрыто коричнево-зеленой патиной.

6. Стаево-4, сборы 2015 г., № 1. Фибула (рис. 5,1) собирается из двух фрагментов (вероятно, сломана в древности, но этот участок памятника распахивался). Об-

щая длина 91 мм. Основа полукруглой (со слабо выраженными углами напротив «пальцев», кроме одного) головной пластины (23х15х2 мм) имеет высокий бордюр треугольного (с округлой гранью) сечения, близ дужки он аналогичен «лучам»; внутри – еще 5 «лучей» (в сечении – низкие немного ассиметричные треугольники с заглаженной гранью). Каждый из 5 «пальцев» (центральный длиной 12,5 мм, пара по бокам от него – 10,5–11 мм, пара дальних – 9,5 мм) имеет грибовидный (на двух лучшей сохранности – немного заостренный) конец, ножку в виде массивной балясины, расположенной между двух валиков. Три «пальца» отогнуты: центральный и один боковой (в меньшей степени) – вперед, другой боковой – сильно назад. Дужка (длина спереди 24 мм, сзади 20 мм, высота изгиба 9 мм) имеет сечение в виде треугольника с чуть выгнутыми сторонами и более вогнутым основанием (не сильно полая), сглаженной верхней гранью (6–5–8х2–2–3 мм); в центральной части ближе к головной пластине ее ширина наименьшая, ближе к ножке ее высота наибольшая (3,5 мм); вероятно, ребро дужки было выделено желобками, украшено поперечными «галочками». Ножка имеет форму ассиметричного по длине ромба, с концевым выступом (44х17 мм с задней стороны); в основу (высота около 0,8 мм, у дужки – до 1,2 мм) вписано 3 фигуры; центральная имеет вид капли с возвышающимся центром и скошенными боками, 2 других образованы бордюрами, имеют абрис, средний между каплевидным и ромбовидным, со срезанным низом; бордюры, включая внешний, имеют сечение в виде низкого треугольника со сглаженной гранью; короткие стороны внешнего бордюра имеют вид длинного треугольника, у прочих – стороны почти везде параллельны. Концевой выступ отделен рельефным валиком, имеет каплевидную со срезанным низом форму, сечение треугольное, со сглаженными углами (15х8,1х2 мм); имеет пару «глазков» в виде врезных полуокружностей. Ножка деформирована – близ середины высоты отогнута назад. оборот изделия неаккуратно заглажен близ конца ножки и на части головной пластины. Иглоприемник (длина в основании 10 мм, высота до 3 мм) чуть ассиметричен, загнут вправо. Две стойки для оси пружины расположены на расстоянии 10 мм друг от друга, имеют вид полукруга, но одна ассиметричного, другая – со срезанными с трех сторон краями. Ось пружины сделана из округлого в сечении стержня диаметром 1,6 мм, ее концы расклепаны. Между ней и головной пластиной сохранился фрагмент брусочка (6х2,5х1,3 мм), с одного конца немного расклепанного, с другого – обломанного на сгибе. Грани везде сглажены. Корпус покрыт темно-зеленой (с более светлыми пятнами) патиной; ось пружины и брусочек – железные.

Список 2

Пальчатые фибулы, ножка которых украшена вписанными ромбами, а головная пластина – радиальными «лучами»

Внутри списков по типам и вариациям находки приведены в порядке русского алфавита. В описании указаны другие названия и написание латиницей, если

она используется в стране, где место находки расположено. В списке литературы приведены только базовые публикации и упоминания в важнейших сводах. Данные о ряде венгерских находок уточнены благодаря любезному содействию Валерии Кульчар, которой мы приносим благодарность.

А. Тип Бакодпуста:

Бернхардшталь–Аулюссен (Австрия: Bernhardtsthal-Aulüssen), единичная находка (рис. 18,12). Серебро, позолота; 2 стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина, судя по рисунку, 42 мм, возможно, был еще один «палец», тогда длина фибулы составляла около 51 мм (рис. 7,6) [53, S. 615, Abb. 945].

Гарлитц (Германия: Garlitz), погребение в урне (рис. 18,5). Серебро, позолота; по публикациям число стоек для оси пружины не ясно (фибула утрачена во время Второй мировой войны); длина фрагмента 37 мм, фибулы – едва ли более 60 мм (рис. 7,1). Благодарим Эрдмута Шульце за помощь в уточнении информации [80, S. 746 (No 14), Taf. 263,65/14; 81, S. 143–144 (No 192)].

Дунапатай–Бёдпуста (фигурирует и как Бакодпуста, Пуста-Бакод; Венгрия: Dunapataj-Bödpuszta, Bakodpuszta, Puszta-Bakod), погребение 3 (рис. 18,16). Пара; серебро, позолота; по доступным публикациям число стоек для оси пружины не ясно; длина по 48 мм (рис. 6,5–6) [75, S. 104, Abb. 7,1,2; 93, S. 364, Abb. 40; 80, S. 746–747 (No 16), Taf. 263,65/16].

Кёвагосёлёш (Венгрия: Kővágószőlős), погребение 6 (рис. 18,14). Пара; серебро, позолота; по доступным публикациям число стоек для оси пружины не ясно; длина по 50 мм (рис. 7,7–8) [63, p. 133, tab. III,4–5].

Керчь (фигурирует и как Крым), коллекция Мартина (ныне Государственного исторического музея в Стокгольме), контекст находки не ясен (рис. 18,27). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина 72 мм (рис. 9,1) [93, S. 364, Abb. 37; 80, S. 744–745 (No 4), Taf. 262,65/4; 1, рис. 14,9].

Кыйов (Чехия: Kujov), единичная находка (рис. 18,11). Бронза; число стоек для оси пружины не ясно из-за вторичного использования вещи; длина 72 мм (рис. 10,1) [97, s. 202 (No 21), obr. 37,3; 80, S. 745 (No 11), Taf. 263,65/11 (с указанием на «Чехословакия, Моравия» и длины 78 мм)].

Медвен (Болгария), остатки римско-византийской крепости в местности «Калето», единичная находка (рис. 18,23). Бронза; по публикациям число стоек для оси пружины не ясно; длина 67 мм (рис. 9,7) [49, с. 110–111, табл. II,1; 42, с. 340 (№ 96), обр. 31,3].

Ниредьхаза–Рожретсёлё (Венгрия: Nyíregyháza–Rozsátszölő), погребение 198 (рис. 18,18). Серебро, позолота; одна стойка для оси пружины; длина 53 мм (рис. 7,2). Благодарим авторов раскопок Каталин Алмаши, Балаж Герей, Эстер Иштванович за предоставленные изображения и позволение их впервые опубликовать. Особенно Эстер – за всестороннюю помощь в работе с находкой (включая знакомство И. О. Гавритухина с оригиналом).

Осоппо (Италия: Osoppo), погребение (рис. 18,10). По доступным публикациям материал, число стоек для оси пружины, длина – не ясны (рис. 7,5) [102, p. 156–158; tav. III,1; 60, S. 177, Abb. 14].

Свиштов (Болгария), остатки римско-византийского г. Новы (Novae), на тротуаре *via praetoria* (рис. 18,22). Бронза; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента 66 мм, фибулы – не менее 80 мм (рис. 8,2) [67, s. 62–63 (No 170), tabl. XI,10; 42, с. 339 (№ 94), обр. 31,1].

Тольна–Мёж (Венгрия: Tolna-Mözs-Icsei-dűlő), погребение 53 (рис. 18,15). Пара; серебро, позолота; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина, судя по рисунку, по 59,5 мм (рис. 6,1–2). Благодарим Яноша Одора за уточнения к опубликованной информации и предоставление для нашей публикации рисунков, более полных, чем в предварительных публикациях [87, p. 374, fig. 6,1–2].

Тольна–Мёж (Венгрия: Tolna-Mözs-Icsei-dűlő), погребение 64 (рис. 18,15). Пара; серебро, позолота; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина, судя по рисунку, 53,5–54,5 мм (рис. 7,3–4). Благодарим Яноша Одора за уточнения к опубликованной информации и предоставление для нашей публикации рисунков, более полных, чем в предварительных публикациях [87, p. 374, fig. 6,3–4].

Хач–Бендекпуста (Венгрия: Hács-Bédekpuszta), погребение 18 (рис. 18,13). Пара; серебро, позолота; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина по 44 мм (рис. 6,3–4) [76, S. 297, Abb. 12,4].

Хорни-Кшелы-у-Колина (Чехия: Horní Kšely u Kolína), единичная находка (рис. 18,8). Материал по доступным публикациям не ясен; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента 60 мм, фибулы – около 75 мм или несколько более (рис. 8,1) [96, T. XIX,7; 80, S. 735 (No 29), 745 (No 10), Taf. 261,64/29; 263,65/10 (дублирование; один раз – с сокращенным названием; длина указана один раз 62 мм, другой – 60 мм)].

Цага (Румыния: Țaga), погребение, исследованное в 1968 г. (рис. 18,19). Бронза; одна стойка для оси пружины (уточнено по схематичному рисунку, представленному Валентиной Михайловной Горюновой, за что приносим ей благодарность); длина 92 мм (рис. 9,2) [70, S. 103, 192, Taf. XC,F/5].

Чехия (Čechy), коллекция Народного музея (Прага), единичная находка (рис. 18,7). Материал по доступным публикациям не ясен; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента, судя по рисунку, 84 мм, фибулы – около 100 мм или несколько более (рис. 8,3), однако вероятно, что масштаб в публикации указан не верно и эта фибула аналогична находке из Хорни-Кшелы (так она приведена, например, в [56, Taf. 4,6]) [96, T. XIX,8; 80, S. 735 (No 28), 745 (No 9), Taf. 261,64/28; 263,65/9 (дублирование, с указанием один раз на «Богемия», другой на «Чехословакия»; длина дана один раз как 90 мм)].

Чехословакия, вероятно, Чехия (Богемия), коллекция Народного музея (Прага), поступление из частной коллекции в 1926 г. (рис. 18,6). Материал и число стоек для оси пружины по публикации не ясны; длина 70 мм (рис. 9,7) [80, S. 745 (No 12), Taf. 263,65/12].

По данным интернета¹⁹:

Крым (рис. 18,25). С одной стойкой для оси пружины; кнопки маленькие; на конце ножки две маленькие полусферы; детали не аккуратны; длина несколько более 43 мм.

Б. Трехпалые с боковыми выступами на ножке:

Монсхайм (Германия: Monsheim), погребение 4 (рис. 18,4). Серебро; две стойки для оси пружины; длина 45 мм (рис. 11,3) [80, S. 300, Taf. 67,210; 262,65/2].

Морешть (Румыния: Moreşti), находка на поселении (рис. 18,20). Материал и число стоек для оси пружины по публикациям не ясны; длина 67 мм (рис. 13,4) [72, S. 144, Taf. 41,1; 70, S. 102, 180 (No 58/1/1), Taf. XCI,G/8].

По данным интернета:

Украина, возможно, Черкасская обл. (не картографирована). Вероятно, бронза; с двурогим окончанием ножки; проработка деталей не четкая; небольшая.

А/ Б. Трехпалые, информации о выступах на ножке нет:

Братей (Румыния: Bratei), могильник 3, погребение 244 (рис. 18,21). Фрагмент; бронза; две стойки для оси пружины, расположенные по бокам головной пластины; длина фрагмента 47 мм, фибулы – едва ли менее 90 мм (рис. 8,4) [55, S. 94, 250, Taf. 40,G.244/4; 74,G.244/4].

В. Пятипалые:

В.1. Серия Стаево:

Ольвия, коллекция Бертье-Делагарда (ныне Британского музея), обстоятельства находки не известны (рис. 18,24; 19,31). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина фрагмента 40 мм, фибулы – едва ли менее 50 мм (рис. 11,4) [80, S. 745 (No 8), Taf. 263,65/8; 54, p. 43 (No 22), pl. 13,22].

Стаево (рис. 18,29; 19,29), 4 экземпляра. См. список 1, №№ 1–4 (рис. 2; 3).

В.2. Серия Лучистое:

Лучистое, склеп 59, слой 4, погребение 19 (рис. 18,26). Пара (одна фибула собрана из двух частей); бронза; по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам от дужки; длина 97 и 96 мм (рис. 10,2; 11,2) [4, с. 23, 88 (№ 65 и 66), рис. 4,3–4, табл. 107; 229,1].

Лучистое, склеп 100, погребение 1 (рис. 18,26). Пара; бронза; по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам от дужки; длина 95 и 97 мм (рис. 12,1–2;

предоставлены Эльзарой Айдеровной Хайрединовой, которой мы приносим за это благодарность) [2, табл. XIX,6; 44, рис. 11,1,3; 3, рис. 12,17].

Лучистое, склеп 228, слой 4, погребение 7 (рис. 18,26). Пара; бронза; по две стойки для оси пружины, расположенные по бокам от дужки; длина по 99 мм. Раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой. Не опубликованы; любезная информация авторов раскопок.

Лучистое, склеп 268, слой 2, погребение 5 (рис. 18,26). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина 96 мм. Раскопки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой. Не опубликована; любезная информация авторов раскопок.

По данным интернета:

Украина, предположительно Черниговская обл. (не картографированы). Пара; бронза; точных размеров нет.

В.3. Других серий:

Коллекция Диргардта (ныне Римско-германского музея в Кёльне), место и обстоятельства находки не известны (не картографированы). Пара, фрагменты; серебро, следы позолоты на пластинах; одна стойка для оси пружины; длина фрагментов по 44 мм, фибул – едва ли менее 75 мм (рис. 12,4–5) [105, S. 29 (No 107), Taf. 25,107; 80, S. 747 (No 18), Taf. 263,65/18].

Майнц, вероятно, в местности Цальбах (Германия: Mainz-Zahlbach), единичная находка (рис. 18,3). Бронза; число стоек для оси пружины по публикации не ясно; длина фрагмента 56 мм, фибулы – едва ли менее 80 мм (рис. 11,1) [80, S. 287 (No 187), Taf. 61,187; 262,65/1].

Стаево (рис. 18,29; 19,29). См. список 1, № 5 (рис. 4,2).

Стаево (рис. 18,29; 19,29). См. список 1, № 6 (рис. 5,1).

Тортон (Италия: Tortona), вероятно, некрополь, комплекс не ясен (рис. 18,2). Фрагмент; плохое серебро или бронза; одна стойка для оси пружины; длина фрагмента 43 мм, фибулы – едва ли менее 75 мм (рис. 12,3) [56, S. 4–5 (No 5), Taf. 2,1; 57, S. 324–325 (No 35.e), Taf. XLIV,5].

По данным интернета:

Украина, вероятно, Черниговская обл. (не картографирована). Имеет одну или близко расположенные две стойки; ножка без боковых выступов; грани орнамента четкие; длина 95 мм.

В.4. Образцы гепидских и итало-готских форм, наиболее близких рассматриваемым:

Колленьо (Италия: Collegno), погребение 4 (рис. 18,1). Серебро; число стоек по публикации не ясно; длина фрагмента 57 мм (рис. 13,6) [83, p. 8, 196 (cat. I.4)].

Крань (Словения: Kranj), находка на могильнике (рис. 18,9). Бронза, позолота; число стоек для оси пружины по публикациям не ясно; длина фрагмента 76 мм (рис. 13,5) [57, Tav. LXXIV,5; 95, s. 79 (No 23), t. 120,2].

¹⁹ Здесь и далее для работы с находками, опубликованными в интернете, мы пользовались базой данных, созданной Игорем Анатольевичем Бажаном, за что приносим ему благодарность. Так как эти фибулы, насколько нам известно, не переданы в музеи, их изображение не публикуется. Данные о некоторых характеристиках отсутствуют.

Сентеш–Кёкенъцуг (Венгрия: Szentes-Kökényzug), погребение 56 (рис. 18,17). Пара; серебро, позолота; число стоек по публикациям не ясно; длина по 94 мм (рис. 13,2–3) [61, Taf. XI,1–2; 80, S. 751 (No 4), Taf. 263,66/4].

Сентеш–Надьхедь (Венгрия: Szentes-Nagyhegy), погребение 8 (рис. 18,17). Серебро; число стоек по публикациям не ясно; длина с утратой, судя по рисунку, 85 мм, фибулы целиком – около 90 мм (рис. 13,1) [61, S. 46, Taf. XXIV,17; 86, S. 185–186, Abb. 43,3 (в подписи указана как погребение 9)].

Г. Число «пальцев» неизвестно, с боковыми выступами на ножке:

Учитывая важность для темы нашей статьи этой впервые публикуемой находки, она описана подробнее, чем другие в этом списке.

Белгородская область (рис. 18,28; 19,26). Передана в Сейминско-Суджинскую экспедицию (начальник Олег Александрович Радюш, которого мы благодарим за право публикации находки), оттуда – в Курский областной музей археологии (№ 302/50/23). Бракованный полуфабрикат части фибулы (рис. 4,1; выполнен И. О. Гавритухиным). Общая длина 35 мм. От головной пластины сохранилась небольшая часть, на которой просматриваются основания «лучей», а на обратной стороне – фрагмент стойки для оси пружины или не раскованная заготовка для нее. Дужка (длина спереди около 15 мм, сзади – около 12 мм) трапециевидного сечения (4,5х1,5 мм). Ножка по форме близка ромбу, имеет два боковых выступа (общая ширина 20 мм); в основу (высота около 0,9 мм) вписано 3 миндалевидные фигуры; центральная имеет возвышение в центре и грань по длинной оси симметрии, две других образованы бордюрами, имеют сечение в виде треугольника, грани довольно четкие. Боковые выступы высокие (до 1,7 мм) округлые, со скошенными краями (диаметр снизу 5 мм, сверху 4,5 мм); по центру имеют углубленную композицию «окружность с точкой посередине» (мотив «птичий глаз»); все грани сглажены. У одного выступа не проработано место перехода к основе ножки, у другого – не срезан выплеск металла. Оборот изделия не заглажен. Иглоприемник не раскован и не загнут (длина в основании до 7 мм, высота до 8,5 мм). Изделие покрыто серой патиной с зеленым отливом, в местах потертости имеет золотистый (латунный) цвет.

Список 3

Данные о пальчатых фибулах, ножка которых украшена вписанными ромбами или головная пластина – радиальными «лучами», найденных в лесостепной и близлежащих от нее зонах Восточной Европы

А. Тип Морешть и близкие ему:

Деренковец, обстоятельства находки не ясны (рис. 19,11). Бронза; число стоек для оси пружины по публикации не ясно; длина, судя по рисунку, 74 мм (рис. 16,3) [106, с. 369 (№ 38), табл. 79,4].

Мартыновка, покупка, вероятно, разрушенное погребение (рис. 19,10). Бронза; две стойки для оси пружины, расположенные у дужки; длина, судя по рисунку,

84–85 мм (рис. 16,1; фото из фонда Г.Ф. Корзухиной в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, С-Петербург – предоставлено Ольгой Алексеевной Щегловой, за что приносим ей благодарность) [106, с. 359–360 (№ 27–2), табл. 7,5; 40, с. 161 (№ 60), рис. 102,6].

По данным интернета²⁰:

Волынская обл., на р. Черногоуска, в 30 км от Луцка (рис. 19,1). Пятипалая; на дужке вдоль оси симметрии расположены прямоугольные в сечении полосы (по центру – более высокая, по краям – ниже и тоньше); у перехода дужки к ножке находятся два маленьких выступа; окончание ножки – двурогое, в виде полукруглой «лопатки»; длина 42 мм.

Волынская обл., «недалеко» от Луцка (рис. 19,2). Пятипалая; головная пластина и дужка, типичные для находок в Подунавье; две близко расположенные стойки для оси пружины.

Винницкая обл. (рис. 19,6). Пятипалая; дериват с тремя парами выступов на ножке; две близко расположенные стойки для оси пружины; длина несколько более 80 мм.

Запорожская обл., близ Днепра (рис. 19,15). Трехпалая, редкий вариант.

Ивано-Франковская обл. (рис. 19,3). Пятипалая; головная пластина и часть дужки, типичные для находок в Подунавье; одна стойка для оси пружины; на дужке украшена полосой с использованием мотива «волчий зуб».

Курская обл., возможно, из клада круга Мартыновки (рис. 19,23). Пара; пятипалые; на одном экземпляре – излом, на другом – брак литья; по две близко поставленные стойки для оси пружины; на пластинах – много дуг и ромбов; весьма крупные.

Межричье, село, Лебединский р-н Сумской обл. (рис. 19,20). Пятипалая; две стойки для оси пружины по бокам от дужки, длина около 90 мм.

Украина, вероятно, Черниговская обл. (не картографирована). Пара; пятипалые; по две близко расположенные стойки для оси пружины; в середине головной пластины, ножки, на пальцах нанесен орнамент с мотивом «птичий глаз»; рельефный орнамент состоит из тонких бордюров с плоским верхом; длина по 115 мм.

Б. Других типов, с ножкой, украшенной вписанными ромбами²¹:

Бужим Чигиринского уезда, обстоятельства находки не известны; вероятно, Бужин Шабельниковской волости этого уезда (рис. 19,14). Материал, число стоек для оси пружины, длина по схематичному рисунку А. А. Спицына не ясны (рис. 14,5) [30, с. 100, рис. 15,6].

Игрень, случайная находка, вероятно, она же или очень похожая вещь фигурирует как происходящая из района Звонецких порогов; до уточнения информации мы

²⁰ Атрибуция некоторых находок условна.

²¹ Для пары фибул из Римско-германского музея в Кельне указание на Никополь, как отметил М. М. Казанский, вероятно, связано с местом покупки находки из Крыма или проживанием коллекционера [30, с. 100 и прим. 18, рис. 15,11–12]. Поэтому мы не включаем эти находки в список 3 и не отмечаем их на карте (рис. 19).

рассматриваем их как один пункт (рис. 19,16). Серебро; число стоек для оси пружины по публикациям не ясно; длина, судя по рисунку, 78–79 мм (рис. 15,2) [106, с. 421 (№ 134–3), табл. 108,2; 73, fig. 2,21; 25, с. 338 (список 4д); 30, с. 100, рис. 15,9].

Канев или его окрестности, обстоятельства находки не известны (рис. 19,9). Материал, число стоек для оси пружины, длина по публикациям не ясна (рис. 15,1) [41, рис. 8,2; 73, fig. 2,22; 25, с. 338 (список 4д); 30, с. 100, рис. 15,10].

Спас-Перекша, на городище дяковской и/или мощинской и древнерусской культур «Спасский городец», вероятно, в насыпи вала (рис. 19,30). Бронза или низкопробное серебро; одна стойка для оси пружины; длина с утратой 77 мм, фибулы целиком – чуть больше 80 мм (рис. 5,2; фото Ильи Рафаэлевича Ахмедова, которого мы благодарим за разрешение публикации фото) [106, с. 418 (№ 123), табл. 107,2; 11, рис. 12,1; 30, с. 100, рис. 15,2; 16,15 (повторено)].

Среднее Поднепровье, в пределах Васильковского, Каневского, Таращанского уездов Киевской губернии, обстоятельства находки не ясны (рис. 19,8). Бронза; число стоек для оси пружины по публикации не ясно; длина, судя по рисунку, 60–61 мм (рис. 15,4) [106, с. 409 (№ 102–1), табл. 80,9; 30, с. 100, рис. 15,1].

По данным интернета:

Белгородская обл., данные М. Е. Левады (рис. 19,26). [30, с. 100, прим. 19].

Украина (не картографирована). Трехпалая, с сильно закрученным спиральным орнаментом на головной пластине; число стоек для оси пружины не понятно; ножка без выступов, но с большими плечиками; длина около 60 мм.

Украина (не картографирована). Трехпалая, со спиральным орнаментом на головной пластине; боковые «пальцы» выполнены в виде птичьих голов; две близко расположенные стойки для оси пружины; в начале и конце ножки – по паре очень маленьких выступов; орнамент сглажен; длина около 70 мм.

Широкая Гребля, Хмельницкий р-н Винницкой обл. (рис. 19,5). Трехпалая, орнамент на головной пластине выполнен в виде двух сегментов или эллипсов; одна стойка для оси пружины; ножка без боковых выступов, с длинным основанием округлого окончания; длина около 60 мм.

В. Ножки фибул, украшенные вписанными ромбами:

Курск, близ Кировского моста, единичная находка не позднее 1970-х гг. (рис. 19,24). Сплав серого цвета; длина фрагмента 36 мм, фибулы – не менее 70 мм (рис. 14,4; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала: Курский областной музей археологии, КОКМ-16641/54; благодарим Геннадия Юрьевича Стародубцева и Андрея Геннадьевича Шпилева за помощь в работе) [15, рис. 11; 66, р. 155 (№ 7), fig. 6B,5].

Ксизово-19, подъемный материал, участок 3 (рис. 19,28). Сплав на основе меди; длина фрагмента 40,5 мм, фибулы – не менее 65 мм (рис. 14,1; выполнен И. О. Гавритухиным при камеральной обработке находок Раннеславянской археологической экспедиции ИА РАН, фото ее начальника А. М. Обломского) [38, с. 154, 229–230, рис. 232,6].

Суджанский р-н Курской обл., контекст находки не ясен (рис. 19,22), планируется к передаче в Суджанский краеведческий музей. Благодарим за информацию и предоставленное для публикации фото Власту Евгеньевну Родинкову. Бронза или низкопробное серебро; окончание ножки – двурогое, в виде полу-круглой «лопатки»; длина фрагмента 28 мм, фибулы – вероятно, около 50 мм (в пределах 45–60 мм) (рис. 11,6).

Усох (Трубчевск), погребение 4 (рис. 19,19). Бронза; длина фрагмента, судя по рисунку, 37 мм (рис. 14,3) [106, с. 407–408 (№ 90), табл. 80,12; 40, с. 155 (№ 2), рис. 102,4].

Г. Серии Перехваль и близкие ей типа Мощенка:

Перехваль, на городище со слоями раннеримского и гуннского времени (рис. 19,27), передана в Раннеславянскую археологическую экспедицию ИА РАН (начальник А. М. Обломский) в 2017 г., планируется к передаче в Липецкий областной историко-краеведческий музей. Белый металл; одна стойка для оси пружины; место иглоприемника зачищено; длина 78,5 мм (рис. 17,2; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала при камеральной обработке находок экспедиции). Публикуется впервые.

Пастырское, обстоятельства находки не известны, коллекция Кундеровича (рис. 19,13). Материал, число стоек для оси пружины по публикации не ясны; длина фрагмента, судя по рисунку, 56 мм, фибулы – не менее 65 мм (рис. 17,1) [106, с. 377–378 (№ 73–26), табл. 28,1].

По данным интернета:

Белгородская обл., данные М. Е. Левады (рис. 19,26) [30, с. 100 и прим. 20]²².

Киевская обл., юг (рис. 19,7). Бронза; одна стойка для оси пружины; длина, судя по фото, 75–80 мм.

Глиница, Краснопольский р-н Сумской обл. (рис. 19,21). Одна стойка для оси пружины; вместо приемника – следы пайки; длина 55 мм.

Черкасская обл., правобережье Днепра, вероятно, из размывов берега (рис. 19,12). Одна стойка для оси пружины; длина около 75 мм.

Д. Головные пластины с лучевым орнаментом:

Брянская обл., контекст находки не ясен (рис. 19,18), передана в Сейминско-Суджинскую экспедицию (начальник Олег Александрович Радюш, которого мы благодарим за право публикации находки). Бронза или низкопробное серебро; пятипалая; с одной стойкой для оси пружины; вероятная ширина фрагмента (учитывая симметричность) около 26 мм (рис. 14,7; выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала при камеральной обработке находок экспедиции).

²² В упомянутом списке М. Е. Левады фигурируют также находки из Сумской и Черкасской областей. Не исключено, что речь идет о тех же вещах, которые приведены нами по данным И. А. Бажана. К сожалению, эти базы данных не согласованы. До уточнения информации мы даем находки из этих областей по одному разу.

Вербычна (в польской огласовке, в украинской – Вербычка), контекст находки не ясен, коллекция Пулавского (рис. 19,4). Бронза; трехпалая; с двумя стойками для оси пружины, расположенными у края головной пластины; ширина, судя по рисунку, 47 мм (рис. 14,6) [90, s. 220, Tabl. XLVII,15].

Порозок, единичная находка (рис. 19,25). Бронза; пятипалая; число стоек для оси пружины не ясно; ширина, судя по рисунку (вероятно, в масштабе 1:1), 45 мм (рис. 14,2) [26, с. 62, 68 (рис. сверху)].

Суджанский р-н Курской обл., контекст находки не ясен (рис. 19,22), планируется к передаче в Суджанский краеведческий музей. Благодарим за информацию Власту Евгеньевну Родинкову. Бронза или низкопробное серебро; трехпалая; с одной стойкой для оси пружины; ширина фрагмента 27,5 мм.

По данным интернета:

Черниговская обл. (рис. 19,17). Пятипалая; с одной стойкой для оси пружины.

Список 4

Данные о других вещах, изображения которых приведены в статье

Книн–Греблье (Хорватия: Knin Greblje), погребение 154. Бронза; одна стойка для оси пружины, ширина фрагмента 30 мм (рис. 11,5; выполнен И. О. Гавритухин с оригинала: Музей хорватских археологических памятников, Сплит, No D LXVIII) [103, S. 27; Tab. XIX,5].

Ковачевец (Болгария), остатки римско-византийской крепости в местности «Ковачевско кале», единичная находка. Головная пластина; бронза; по публикациям число стоек для оси пружины не ясно; ширина фрагмента 28 мм, с учетом симметричности головной пластины – 35 мм (рис. 9,3) [42, с. 127, 339–340 (№ 95); обр. 31,2].

Курская область, контекст находки не ясен, передана в Сейминско-Суджинскую экспедицию (начальник Олег Александрович Радюш, которого мы благодарим за право публикации находки), оттуда – в Курский областной музей археологии (№ 232/43/134). Бронза; одна стойка для оси пружины; ширина 47 мм (рис. 15,5; выполнен И. О. Гавритухин с оригинала).

Медвен (Болгария), остатки римско-византийской крепости в местности «Калето», единичная находка. Бронза; одна стойка для оси пружины, ширина фрагмента 35 мм (рис. 9,4) [49, с. 116–117 (№ 7), табл. II,2; 69, Т. II,1; 42, с. 127, 340 (№ 97), обр. 31,4].

Краков–Нова-Гута (Польша: Kraków–Nowa Huta), находка на поселении 1. Бронза; две стойки для оси пружины, расставленные немного по сторонам от основания дужки; ширина фрагмента 43 мм (рис. 16,2; выполнен И. О. Гавритухин с оригинала: Археологический музей, Краков, N 4/8/1535:3) [88, s. 76, 157–158, rys. 19,9].

Пекари, обстоятельства находки не известны, коллекция Ханенко. Бронза, обкладка золотой пластиной; длина, судя по рисунку, 85 мм (рис. 14,8) [47, с. 24 (№ 380), таб. IX,380].

Стан (Болгария), остатки римско-византийской крепости, единичная находка. Ножка; бронза; длина фрагмента 42 мм (рис. 9,5) [48, с. 68, Т. VIII,1; 42, с. 128, 340–341 (№ 98), обр. 31,5].

Херсонес, коллекция ГИМ. Одна из пары; вероятно, серебро; две стойки для оси пружины, расположенные по краям головной пластины; длина 79 мм (рис. 15,3; выполнен А. К. Амброзом). Архив ИА РАН, фонд А. К. Амброза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86, 174–241.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 334 с. (Боспорские исследования. Suppl. 4).
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2014. 400 с. (Боспорские исследования. Suppl. 14).
5. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 116 с. (Свод археологических источников. Вып. Д1–30).
6. Амброз А.К. Рец. на: Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln I. Berlin, 1961 // СА. 1966. № 4. С. 211–214.
7. Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10–23.
8. Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи / ред. Ю.В. Кухаренко. М.: Наука, 1970. С. 70–74. (МИА. № 176).
9. Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник / ред. Я.М. Паромов. М.: Архэ, 1992. Вып. I. С. 6–108.
10. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 31–88.
11. Ахмедов И.Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – VI вв. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 138–177. (Раннеславянский мир. Вып. 15).
12. Березуцкий В.Д., Золотарев П.М., Куцев Е.А. Острогжский клад (последняя треть – конец VII в. н.э.) // РА. 2017. № 1. С. 131–140.
13. Володарец-Урбанович Я.В. Антропоморфна фігурка із Засулля-Мгару // Археологія. Киев, 2016. № 1. С. 79–88.
14. Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

15. Гавритухин И.О. Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (К изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.). Тезисы докладов. Симферополь: Ахтиар, 1997. С. 27–32.
16. Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 2. Хазарское время. Донецк: Донецкий гос. университет, 2001. С. 45–162.
17. Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 208–220.
18. Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. / ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 30–33, 67, 411–412. (Раннеславянский мир. Вып. 9).
19. Гавритухин, И.О. Фибулы типа Удине-Планис // Петербургский апокриф: Послание от Марка / ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев, 2011. С. 464–490. (Библиотека Stratum).
20. Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы / ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 35–89. (Раннеславянский мир. Вып. 13).
21. Гавритухин И.О. Рец. на: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. Симферополь; Керчь, 2008 // РА. 2011. № 2. С. 177–181.
22. Гавритухин И.О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности: Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212–240. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
23. Гавритухин И.О. Фибулы подгруппы Левице – Токари в Подонье // Острая Лука Дона в древности: Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 202–211, 403, 573, 616–618. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
24. Гавритухин И.О. Пальчатая фибула потисского круга из Юго-Западной России // Сборник в честь М. Надь. Будапешт (в печати).
25. Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V – VI вв. // Археологические вести. 2006. № 13. С. 297–344.
26. Ерошенко В.В., Любенский Б.Б. У истоков славянской культуры (новая версия) // Черноземная лесостепь – контактная зона. Проблемы археологии и истории. Белгород, Белгородский гос. университет, 2001. С. 59–71.
27. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394–478.
28. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 210 с.
29. Казанский М.М. Славяне и дунайские германцы в VI веке: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. I (MMXIV) / ред. Е.П. Токарева, В.Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. С. 175–200.
30. Казанский М.М. Престижные находки и центры власти постгуннского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018, № 4. С. 83–118.
31. Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка: к вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник / ред. А.З. Винников. Воронеж, 2016. Вып. 6. С. 241–254.
32. Обломский А.М. О раннесредневековых славянских древностях в бассейне Дона // Stratum plus. 2011. № 5. С. 51–60.
33. Обломский А.М. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья: Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский гос. университет, 2012. Вып. 3. С. 172–229.
34. Обломский А.М. Исследование раннесредневекового поселения Стаево-4 в Мичуринском р-не Тамбовской обл. // Тамбовская старина / ред. Н.Б. Моисеев. Тамбов, 2016. Вып. 5. С. 11–25.
35. Обломский А.М. О двух типах славянских памятников Верхнего Подонья в эпоху раннего средневековья // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / ред. И.Л. Кызласов. М.: Авторская книга, 2016. С. 119–149.
36. Обломский А.М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы: Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь, 2018. С. 355–388. (Библиотека Stratum).
37. Обломский А.М., Швырёв А.Д. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж // КСИА. 2018. № 250. С. 307–326.
38. Острая Лука Дона в древности: Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / сост. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. 660 с. (Раннеславянский мир. Вып. 16).
39. Пашковский могильник № 1. Том 2: Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Исследование материалов Пашковского могильника. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
40. Родинкова В.Е. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 124–130, 155–162. 282–289. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
41. Рыбаков Б.А. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // СА. 1953. Вып. 17. С. 23–104.
42. Станев А. Элементы на германския фибулен костюм на юг от Дунав. [Б/м]: Авангард принт, 2012. 376 с.
43. Фурасев А.Г. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // СГЭ. 2001. Вып. LIX. С. 24–27.
44. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.
45. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 125–160.
46. Хайрединова Э.А. Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 95–132.

47. Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья: Вып. IV. Эпоха Великого переселения народов. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1901. 30 с., 20 табл.
48. Хараламбиева А., Атанасов Г.Ат. Фибулы от Новопазарско от I–VII в. // Годишник на музеите от Северна България. 1992. Т. XVIII. С. 57–75.
49. Хараламбиева А., Атанасов Г.А. Фибулы от эпохата на великото преселение на народите // Известия на Народния музей Варна. 1993. Т. 29(44). С. 103–121.
50. Шаблавина Е.А. Пальчатая фибула из коллекции Е.А. Горюнова // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 244–253.
51. Шелов Д.Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / ред. А.И. Милюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 241–243.
52. Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. 1999. № 5. С. 287–312.
53. Adler H. KG Bernhardsthal // Fundberichte aus Österreich. 1995. Bd. 33.
54. András J., Aibabin A. The Berthier-Delagarde collection of Crimean jewellery in the British Museum and related material. London: The British Museum Press, 2008. 181 p.
55. Bâzu L. Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld 3 von Bratei. Cluj-Napoca; Bistrița: Accent, 2010. 416 S.
56. Bierbrauer V. Ostgotische und ostgotenzeitliche Grabfunde von Tortona, Prov. Alessandria (Italien) // Bollettino della Società Pavese di Storia Patria. 1973. Vol. 22/23. S. 3–30.
57. Bierbrauer V. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1975. 378 S., 90 Taf.
58. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1995. Bd. 38 (1991). S. 541–592.
59. Bóna I., Nagy M. Gepidische Gräberfelder im Theissgebiet I. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2002. 388 S. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 1).
60. Buora M. Von der Adria (Aquileia) bis zur mittleren Donau: Das Fibelspektrum römischer Zeit vom 1. Jh. v. Chr. bis zum 6. Jh. n. Chr. // Die Barbaren Roms Inklusion, Exklusion und Identität im Römischen Reich und im Barbaricum (1.–3. Jahrhundert n. Chr.) / Hrsg. A. Rubel. Hartung-Gorre Verlag, 2016. S. 163–198.
61. Csállany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.). Budapest: Verlag der ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961. 406 S., 281 Taf. (Archaeologia Hungarica S.N. XXXVIII).
62. Dobos A. Gepidic finds from Capusu Mare (Cluj county) // Ephemeris Napocensis. 2009. Vol. 19. P. 219–242.
63. Gábor O. 5. századi sírok Kővágószőlös határában // A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve. 1999. Vol. 43 (1998). P. 131–140.
64. Gavritukhin I. Brooches of the Levice-Tokari Sub-group // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / eds. I. Khrapunov, F.A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 107–127.

65. Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. (Archäologie in Eurasien. Bd. 36).
66. Gavritukhin I., Radiush O. A Polychrome Brooch from Konevo and its Context // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte: Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag. Band 1 / Hrsg. J. Drauschke et al. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. P. 137–160. (Monographien des RGZM. Bd. 150–1).
67. Genčeva E. Zapinki rzimskie i póznoantyczne z Novae // Novensia. 1998. T. 11. P. 7–69.
68. Gepidische Gräberfelder im Theissgebiet II / Hrsg. I. Bóna, É. Garam, T. Vida. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2005. 334 S. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 2).
69. Haralambieva A. Production of dress ornaments in the fortresses and settlements in North Bulgaria during the period from the 5-th till the 7-th century AD // The Roman and Late Roman City / eds. L. Ruseva-Slokoska, R. Ivanov, V.D. Inchev. Sofia, 2002. P. 393–397.
70. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică, 1998. 268 S., 90 Taf.
71. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren 2. Neumünster: Wachholz Verlag, 2009. 616 S. (Schriften des archäologischen Landesmuseums 9).
72. Horedt K. Morești. Grabungen in einer vor- und frühgeschichtlichen Siedlung in Siebenbürgen. Bukarest: Kriterion Verlag, 1979. 220 S., 7 Beil, 50 Taf.
73. Kazanski M. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 324–337, 567–581.
74. Kazanski M. Les fibules germaniques danubiennes dans le contexte slave (VIe siècle) // Arheologia Moldovei. 2013. Vol. XXXVI. P. 105–117.
75. Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983. Vol. 35. P. 95–131.
76. Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Béndekpuszta (Westungarn) aus dem 5.–6. Jahrhundert // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1995. Vol. 36. P. 275–342.
77. Koch A. Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich. Teil 1–2. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum; Dr. Rudolf Habelt, 1998. 748 S., 33 Karten, 62 Taf. (Monographien des RGZM. Bd. 41).
78. Koch U. Das alamannisch-fränkische Gräberfelder bei Pleidelsheim. Stuttgart: Kommissionsverlag Konrad Theiss, 2001. 647 S., 127 Taf. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 60).
79. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Garz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1940. 546 S., 130 Taf. (Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte. Bd. 4).
80. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Garz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974. 1386 S., 336 Taf.
81. Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Garz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1981. 432 S., 96 Taf.
82. Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Paris, 2004. 62 p.
83. Longobardi: Un popolo che cambia la storia / cur. G.P. Brogiolo, F. Marazzi, C. Giostra. Milano: Skira, 2017. 526 p.

84. Menke M. Archäologischen Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhundert in der Zone nordwärts der Alpen // *Pergrinatio Gothica* / ed. J. Kmiecinski. Łódź: Katedra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1986. S. 239–281. (Archaeologia Baltica VII).
85. Müssemeier U., Nieveler E., Plum R., Pöppelmann H. Chronologie der merowingerzeitlichen Grabfunde vom linken Niederrhein bis zur nördlichen Eifel. Bonn: Rheinland-Verlag, 2003. 120 S. (Materialen zur Bodendenkmalpflege Rheinland. Bd. 15).
86. Nagy M. Szöreg–Téglagyár // *Gepidische Gräberfelder im Theissgebiet II* / Hrsg. I. Bóna, É. Garam, T. Vida. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2005. S. 120–202, 275–294, 327–330. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae 2).
87. Ódor J.G. The 5th-century cemetery and settlement at Mözs (Tolna County, Hungary) – some issues concerning the „East-Germanic” period in Transdanubia // *Keszthely–Fenekpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia*. / Hrsg. O. Heinrich-Tamaska. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2011. P. 373–386. (Castellum Pannonicum Pelsonense 2).
88. Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław et al.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. 300 s. (Prace Komisji Archeologicznej 27).
89. Parczewski M. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego // *Archaeoslavica*. Kraków, 1991. No 1. S. 115–128.
90. Piętka-Dąbrowska T. Przyczynki do znajomości okresu od I do VI w.n.e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu // *Wiadomości Archeologiczne*. 1961. T. XXVII, zeszyt 2. S. 217–239.
91. Pinar Gil J. Un gruppo poco studiato di fibule di epoca gota: produzione, circolazione, utenti // *Luoghi, artigiani e modi di produzione nell'oreficeria antica* / cur. I. Baldini, A.L. Morelli. Bologna: Ante Quem soc. coop., 2012. P. 119–141.
92. Roth H., Theune C. SW I-V: zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland; ein Vorbericht zum Gräberfeld von Weingarten, Kr. Ravensburg. Stuttgart, 1988. 37 S., 7 Tab. (Informationen aus Baden-Württemberg 6).
93. Salin B. Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm: Walström und Widstrem, 1935. 388 S.
94. Siegmund F. Рец. на: Ursula Koch, Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Konrad Theiss Verlag, Stuttgart 2001. 647 Seiten; 314 Abbildungen, 120 SW- u. 8 Farbtafeln // *Bonner Jahrbücher*. 2006. Bd. 204 (2004). S. 458–461.
95. Stare V. Kranj nekropola iz časa preseljevanja ljudstev (s prispevkoma Zdenko Vinski, Ovrednotenje grobnih pridakov in István Kiszely, Antropološki pogledi). Ljubljana: Narodni muzej v Ljubljani, 1980. 124 s., 136 t.
96. Svoboda B. Čechy v době stehování národů. Praha: Academia, 1965. 380 s., 61 tab. (Monumenta Archaeologica 13).
97. Tejral J. Morava na sklonku antiku. Praha: Academia, 1982. 256 s. (Monumenta Archaeologica 19).
98. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donaauraum* / Hrsg. J. Tejral, H. Friesner, M. Kazanski. Brno, 1997. S. 321–392. (Spisy Archeologického Ústavu Akademie věd České Republiky 8).
99. Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes” im Mitteldonaauraum aus der Sicht der Archäologie // *Barbaren im Wandel Beiträge zur Kultur-*

- und Identitätsbildung in der Völkerwanderungszeit / Red. J. Tejral, V. Martererová. Brno, 2007. S. 55–121. (Spisy Archeologického Ústavu Akademie věd České Republiky 26).
100. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts // *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008* / Hrsg. J. Bemann, M. Schmauder. Bonn, 2008. S. 249–283.
101. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donaauraum aus der Sicht der Archäologie // *Grenz Übergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau*. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum, Ruma, 4.-7.11.2015 / Hrsg. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamaska, V. Ivanišević, D. Syrbe. Remshalden, 2016. S. 103–120. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 4).
102. Villa L. Le tracce della presenza gota nell'Italia nord-orientale e il caso dell'insediamento di S. Giorgio di Attimis (UD) // *Goti dall'oriente alle Alpi* / cur. M. Buora, L. Villa. Trieste: Editred sas, 2006. P. 147–173. (Archeologia di frontiera 7).
103. Vinski Z. Razmatranja o iskopovanjima u Kninu na nalazišta Greblje // *Starohrvatska prosveta*. 1989. Serija III, svezak 19. S. 5–73.
104. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947* / Hrsg. G. Behrens, J. Werner. Mainz: E. Schneider Verlag, 1950. S. 150–172.
105. Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin: Verlag Gerb. Mann, 1961. 68 S. 56 Taf.
106. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *МАИЭТ*. 1996. Вып. V. С. 352–435.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 3–86, 174–241.
2. Aibabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999. 352 s.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 godov*. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 334 p. (Bosporskie issledovaniya, Suppl. 4).
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 godov*. Simferopol, Kerch, Majster Knig Publ., 2014, 400 p. (Bosporskie issledovaniya, Suppl. 14).
5. Ambroz A.K. *Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR*. Moscow, Nauka Publ., 1966, 116 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1–30).
6. Ambroz A.K. Rets. na: Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin, 1961. *Sovetskaya arkheologiya*, 1966, No 4, pp. 211–214.
7. Ambroz A.K. Dunajskie elementy v rannesrednevekovoj kul'ture Kryma. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1968, vol. 113, pp. 10–23.

8. Ambroz A.K. Yuzhnye khudozhestvennye svyazi naseleniya Verkhnego Podneprov'ya v VI v. Yu.V. Kukhareno (Ed.), *Drevnie slavyane i ikh sosedi*, Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 70–74. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 176).
9. Ambroz A.K. Bospor. Khronologiya rannesrednevekovykh drevnostej. Ya.M. Paromov (Ed.), *Bosporskij sbornik*, Moscow, Arkhe Publ., 1992, vol. 1, pp. 6–108.
10. Ambroz A.K. Yugo-Zapadnyj Krym. Mogil'niki IV–VII vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1995, vol. IV, pp. 31–88.
11. Akhmedov I.R. Nekotorye indikatory kul'turnykh vzaimodejstvij v drevnostyakh ryazano-oksikh finnov vtoroj poloviny V – VI vv. A.M. Oblomskij (Ed.), *Problemy vzaimodejstviya naseleniya Vostochnoj Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2014, pp. 138–177. (Ranneslavyanskij mir, 15).
12. Berezutskij V.D., Zolotarev P.M., Kutsev E.A. Ostrogozhskij klad (poslednyaya tret' – konets VII v. n.e.). *Rossijskaya arkheologiya*, 2017, No 1, pp. 131–140.
13. Volodarets'-Urbanovich Ya.V. Antropomorfna figurka iz Zasullya-Mgaru. *Arkheologiya*, Kiev, 2016, No 1, pp. 79–88.
14. Vol'fram Kh. *Goty*. St-Petersburg, Yuventa Publ., 2003, 656 s.
15. Gavritukhin I.O. Bospor i Podneprov'e v VI–VII vv. (K izucheniyu severopontijskikh yuvelirnykh shkol). *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii «Vizantiya i Krym» (Sevastopol', 6–11 iyunya 1997 g.)*, Simferopol, 1997, pp. 27–32.
16. Gavritukhin I.O. Khronologiya «sredneavarskogo» perioda. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Trudy po arkheologii. T. 2. Khazarskoe vremya*, Donetsk, Donetskij Universitet Publ., 2001, pp. 45–162.
17. Gavritukhin I.O. Srednedneprovskie ingumatsii vtoroj poloviny V – VI vv. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova (Eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, pp. 208–220.
18. Gavritukhin I.O. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e. Ingumatsii, svyazannye s kul'turoj osedlogo naseleniya i otdel'nye nakhodki postgunnskogo vremeni. I.O. Gavritukhin. A.M. Oblomskij (Eds.), *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e.*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2007, pp. 30–33, 67, 411–412. (Ranneslavyanskij mir, 9).
19. Gavritukhin, I.O. Fibuly tipa Udine-Planis. O.V. Sharov (Ed.), *Peterburgskij apokrif: Poslanie ot Marka*, St-Petersburg, Kishinev, 2011, pp. 464–490. (Biblioteka Stratum).
20. Gavritukhin I.O. Vizantijskie podvyaznye fibuly s S-vidnoj petlej dlya osi pruzhiny. Nakhodki k severu i vostoku ot Dunaya. I.V. Islanova, V.E. Rodinkova (Eds.), *Arkheologiya Vostochnoj Evropy v I tysyacheletii n.e.: Problemy i materialy*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2010, pp. 35–89. (Ranneslavyanskij mir, 13).
21. Gavritukhin I.O. Rets. na: Ajbabin A.I., Khajredinova E.A. Mogil'nik u s. Luchistoe. T. 1. Simferopol'; Kerch', 2008. *Rossijskaya arkheologiya*, 2011, No 2, pp. 177–181.
22. Gavritukhin I.O. Fibuly epokhi Velikogo pereseleniya narodov, najdennye v Ksizovo. A.M. Oblomskij (Ed.), *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Arkheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2015, pp. 212–240. (Ranneslavyanskij mir, 16).
23. Gavritukhin I.O. Fibuly podgruppy Levitse–Tokari v Podon'e // A.M. Oblomskij (Ed.), *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Arkheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s.*

- Ksizovo (konets IV – V v.)*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2015, pp. 202–211, 403, 573, 616–618. (Ranneslavyanskij mir, 16).
24. Gavritukhin I.O. Pal'chataya fibula potisskogo kruga iz Yugo-Zapadnoj Rossii. *Sbornik v chest' M. Nad'*. Budapesht (in print).
25. Gavritukhin I.O., Kazanskij M.M. Bospor, tetraksity i Severnyj Kavkaz vo vtoroj polovine V – VI vv. *Arkheologicheskie vesti*, 2006, No 13, pp. 297–344.
26. Eroshenko V.V., Lyubenskij B.B. U istokov slavyanskoj kul'tury (novaya versiya). *Chernozemnaya lesostep' – kontaktnaya zona. Problemy arkheologii i istorii*, Belgorod, Belgorodskij Universitet Publ., 2001, pp. 59–71.
27. Zasetskaya I.P. Datirovka i proiskhozhdenie pal'chatykh fibul bosporskogo nekropolya rannesrednevekovogo perioda. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1998, vol. VI, pp. 394–478.
28. Zasetskaya I.P., Kazanskij M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. *Morskoj Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu*. St-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2007, 210 s.
29. Kazanskij M.M. Slavyane i dunajskie germantsy v VI veke: svidetel'stva pis'mennykh istochnikov i nekotorye arkheologicheskie dannye. E.P. Tokareva, V.G. Lushin (Eds.), *Shtrikhi k portretam minuvshikh epokh. Arkheologiya, istoriya, etnografiya*, Book I (MMXIV), Zimovniki, Zimovnikovskij kraevedcheskij muzej Publ., 2014, pp. 175–200.
30. Kazanskij M.M. Prestizhnye nakhodki i tsentry vlasti postgunnskogo vremeni v Podneprov'e. *Stratum plus*, 2018, No 4, pp. 83–118.
31. Mastykova A.V. Zerkala tipa Karpovka: k voprosu o formirovanii saltovo-mayatskoj kul'tury. A.Z. Vinnikov (Ed.), *Divnogorskij sbornik*, Voronezh, 2016, vol. 6, pp. 241–254.
32. Oblomskij A.M. O rannesrednevekovykh slavyanskikh drevnostyakh v bassejne Dona. *Stratum plus*, 2011, No 5, pp. 51–60.
33. Oblomskij A.M. Rannesrednevekovye pamyatniki Verkhnego Podon'ya: Predvaritel'nye itogi issledovaniya. S.I. Andreev (Ed.), *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoj ravniny*, Tambov, Tambovskij Universitet Publ., 2012, vol. 3, pp. 172–229.
34. Oblomskij A.M. Issledovanie rannesrednevekovogo poseleniya Staevo-4 v Michurinskom r-ne Tambovskoj obl. N.B. Moiseev (Ed.), *Tambovskaya starina*, Tambov, 2016, vol. 5, pp. 11–25.
35. Oblomskij A.M. O dvukh tipakh slavyanskikh pamyatnikov Verkhnego Podon'ya v epokhu rannego srednevekov'ya. I.L. Kyzlasov (Ed.), *Stepi Vostochnoj Evropy v srednie veka: Sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoj*, Moscow, Avtorskaya kniga Publ., 2016, pp. 119–149.
36. Oblomskij A.M. Rannesrednevekovoe poselenie Staevo-4 v Verkhnem Podon'e. V.S. Sinika, R.A. Rabinovich (Eds.), *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy: Sbornik statej v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova*, Kishinev, Tiraspol', 2018, pp. 355–388. (Biblioteka Stratum).
37. Oblomskij A.M., Shvyrev A.D. Vizantijskaya gir'ka dlya vzveshivaniya monety, najdennaya v verkhov'yakh r. Voronezh. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, 2018, No 250, pp. 307–326.
38. Oblomskij A.M. (Ed.), *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Arkheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)*. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2015, 660 p. (Ranneslavyanskij mir, 16).
39. *Pashkovskij mogil'nik № 1. Tom 2: Mastykova A.V., Kazanskij M.M., Saprykina I.A. Issledovanie materialov Pashkovskogo mogil'nika*. Moscow, St-Petersburg, Institut arkheologii RAN Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2016, 372 p.

40. Rodinkova V.E. Metallicheskie detali odezhdy i ukrasheniya kak khronologicheskie indikatory. Gavritukhin I.O., Oblomskij A.M. *Gaponovskij klad i ego istoriko-kul'turnyj kontekst*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 1996, pp. 124–130, 155–162. 282–289. (Rannoslavjanskij mir, 3).
41. Rybakov B.A. Drevnie rusy. K voprosu ob obrazovanii yadra drevnerusskoj narodnosti v svete trudov I. V. Stalina. *Sovetskaya arkheologiya*, 1953, vol. 17, pp. 23–104.
42. Stanev A. *Elementi na germanskiya fibulen kostyum na yug ot Dunav*. Avangard print, 2012, 376 p.
43. Furas'ev A.G. O datirovke i proiskhozhdenii odnoj gruppy pryazhek epokhi Velikogo pereseleniya narodov. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2001, vol. LIX, pp. 24–27.
44. Khajredinova E.A. Zhenskij kostyum s yuzhnokrymskimi orlinogolovymi pryazhkami. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2000, vol. VII, pp. 91–133.
45. Khajredinova E.A. Obuvnye nabory V-VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, vol. X, pp. 125–160.
46. Khajredinova E.A. Ser'gi s litym nepodvizhnym mnogogrannikom iz Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. XX, pp. 95–132.
47. Khanenko B.N., Khanenko V.I. *Drevnosti Pridneprov'ya: Vol. IV, Epokha Velikogo pereseleniya narodov*. Kiev, Tipografiya S.V. Kul'zhenko, 1901, 30 p.
48. Kharalambieva A., Atanasov G.A. Fibuli ot Novopazarsko ot I–VII v. *Godishnik na muzeite ot Severna B'lgariya*, 1992, T. XVIII, pp. 57–75.
49. Kharalambieva A., Atanasov G.A. Fibuli ot epokhata na velikoto preselenie na narodite. *Izvestiya na Narodniya muzej Varna*, 1993, T. 29(44), pp. 103–121.
50. Shablavina E.A. Pal'chataya fibula iz kollektsii E.A. Goryunova. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova (Eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e*, St-Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2004, pp. 244–253.
51. Shelov D.B. Antropomorfnyj amulet iz Tanaisa. A.I. Milyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko (Eds.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*, Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 241–243.
52. Shcheglova O.A. Zhenskij ubor iz kladov «drevnostej antov»: got'skoe vliyanie ili got'skoe nasledie? *Stratum plus*, 1999, No 5, pp. 287–312.
53. Adler H. KG Bernhardsthal. *Fundberichte aus Österreich*, 1995, Bd. 33.
54. András J., Aibabin A. *The Berthier-Delagarde collection of Crimean jewellery in the British Museum and related material*. London, The British Museum Press, 2008, 181 p.
55. Bârză L. *Ein gepidisches Denkmal aus Siebenbürgen. Das Gräberfeld 3 von Bratei*. Cluj-Napoca, Bistrița, Accent Publ., 2010, 416 p.
56. Bierbrauer V. Ostgotische und ostgotenzeitliche Grabfunde von Tortona, Prov. Alessandria (Italien). *Bollettino della Società Pavese di Storia Patria*, 1973, Vol. 22/23, pp. 3–30.
57. Bierbrauer V. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto, Centro italiano di studi sull'alto medioevo, 1975, 378 p.
58. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) – Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1995, Bd. 38 (1991), pp. 541–592.
59. Bóna I., Nagy M. *Gepidische Gräberfelder im Theissgebiet I*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2002, 388 p. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 1).

60. Buora M. Von der Adria (Aquileia) bis zur mittleren Donau: Das Fibelspektrum römischer Zeit vom 1. Jh. v. Chr. bis zum 6. Jh. n. Chr. A. Rubel (Hrsg.), *Die Barbaren Roms Inklusion, Exklusion und Identität im Römischen Reich und im Barbaricum (1.–3. Jahrhundert n. Chr.)*, Hartung-Gorre Verlag, 2016, pp. 163–198.
61. Csállany D. *Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454–568 u.Z.)*. Budapest, Verlag der ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1961, 406 p. (Archaeologia Hungarica S.N., XXXVIII).
62. Dobos A. Gepidic finds from Capusu Mare (Cluj county). *Ephemeris Napocensis*, 2009, Vol. 19, pp. 219–242.
63. Gábor O. 5. századi sírok Kővágószőlös határában. *A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve*, 1999, Vol. 43 (1998), pp. 131–140.
64. Gavritukhin I. Brooches of the Levice–Tokari Sub-group. I. Khrapunov, F.A. Stylegar (Eds.), *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2013, pp. 107–127.
65. Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. Bonn, Habelt-Verlag, 2018. (Archäologie in Eurasien, 36).
66. Gavritukhin I., Radiush O. A Polychrome Brooch from Konevo and its Context. J. Drauschke et al. (Hrsg.), *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte: Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag. Band 1*, Mainz, Römisch-Germanischen Zentralmuseums Publ., 2018, pp. 137–160. (Monographien des RGZM, Bd. 150–1).
67. Genčeva E. Zapinki rzimskie i póžnoantyczne z Novae. *Novensia*, 1998, T. 11, pp. 7–69.
68. Bóna I., Garam É., Vida T. (Hrsg.), *Gepidische Gräberfelder im Theissgebiet II*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2005, 334 p. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 2).
69. Haralambieva A. Production of dress ornaments in the fortresses and settlements in North Bulgaria during the period from the 5-th till the 7-th century AD. L. Ruseva-Skokoska, R. Ivanov, V.D. Inchev (Eds.), *The Roman and Late Roman City*, Sofia, 2002, pp. 393–397.
70. Harhoiu R. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest, Editura Enciclopedică Publ., 1998, 268 p.
71. Hilberg V. *Masurische Bügelfibeln. Daumen und Kellaren 2*. Neumünster, Wachholz Verlag, 2009, 616 p. (Schriften des archäologischen Landesmuseums, 9).
72. Horedt K. *Morești. Grabungen in einer vor- und frühgeschichtlichen Siedlung in Siebenbürgen*. Bukarest, Kriterion Verlags, 1979, 220 p.
73. Kazanski M. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, vol. V, pp. 324–337, 567–581.
74. Kazanski M. Les fibules germaniques danubiennes dans le contexte slave (VIe siècle). *Arheologia Moldovei*, 2013, Vol. XXXVI, pp. 105–117.
75. Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft. *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1983, Vol. 35, pp. 95–131.
76. Kiss A. Das germanische Gräberfeld von Hács-Bédepuszta (Westungarn) aus dem 5.–6. Jahrhundert. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1995, Vol. 36, pp. 275–342.

77. Koch A. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich*. Teil 1–2. Mainz, Römisch-Germanischen Zentralmuseum, Dr. Rudolf Habelt Publ., 1998, 748 p. (Monographien des RGZM, Bd. 41).
78. Koch U. *Das alamannisch-fränkische Gräberfelder bei Pleidelsheim*. Stuttgart, Kommissionsverlag Konrad Theiss, 2001, 647 p. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg, Bd. 60).
79. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz*. Garz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1940, 546 p. (Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte, Bd. 4).
80. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Garz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974. 1386 S., 336 Taf.
81. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland*. Garz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1981, 432 p.
82. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Paris, 2004, 62 p.
83. Longobardi: *Un popolo che cambia la storia*. Milano, Skira Publ., 2017, 526 p.
84. Menke M. Archäologischen Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhundert in der Zone nordwärts der Alpen. J. Kmiecinski (Ed.), *Pergrinatio Gothica*. Łódź: Katedra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1986. S. 239–281. (Archaeologia Baltica, VII).
85. Müssener U., Nieveler E., Plum R., Pöppelmann H. *Chronologie der merowingerzeitlichen Grabfunde vom linken Niederrhein bis zur nördlichen Eifel*. Bonn, Rheinland-Verlag, 2003, 120 p. (Materialien zur Bodendenkmalpflege Rheinland, Bd. 15).
86. Nagy M. Szöreg-Téglagyár. I. Bóna, É. Garam, T. Vida (Hrsg.), *Gepidische Gräberfelder im Theissgebiet II*, Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2005, pp. 120–202, 275–294, 327–330. (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 2).
87. Ódor J.G. The 5th-century cemetery and settlement at Mözs (Tolna County, Hungary) – some issues concerning the „East-Germanic” period in Transdanubia. O. Heinrich-Tamáska (Hrsg.), *Keszthely–Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia*, Budapest, Leipzig, Keszthely, Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf, 2011, pp. 373–386. (Castellum Pannonicum Pelsonense, 2).
88. Parczewski M. *Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych*. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988, 300 p. (Prace Komisji Archeologicznej, 27).
89. Parczewski M. Metalowe zabytki naddnieprzańskie z VI–VIII w. w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego. *Archaeoslavica*, Kraków, 1991, No 1, pp. 115–128.
90. Piętka-Dąbrowska T. Przyczynki do znajomości okresu od I do VI w.n.e. z międzyrzecza Dniepru i Bugu. *Wiadomości Archeologiczne*, 1961, T. XXVII, zeszyt 2, pp. 217–239.
91. Pinar Gil J. Un gruppo poco studiato di fibule di epoca gota: produzione, circolazione, utenti. *Luoghi, artigiani e modi di produzione nell'oreficeria antica*, Bologna, Ante Quem soc. coop. Publ., 2012, pp. 119–141.
92. Roth H., Theune C. *SW I-V: zur Chronologie merowingerzeitlicher Frauengräber in Südwestdeutschland; ein Vorbericht zum Gräberfeld von Weingarten*, Kr. Ravensburg. Stuttgart, 1988, 37 p. (Informationen aus Baden-Württemberg, 6).
93. Salin B. *Die altgermanische Thierornamentik*. Stockholm, Walström und Widström Publ., 1935, 388 p.

94. Siegmund F. Review: Ursula Koch, Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Konrad Theiss Verlag, Stuttgart 2001. 647 Seiten; 314 Abbildungen, 120 SW- u. 8 Farbtafeln. *Bonner Jahrbücher*, 2006, Bd. 204 (2004), pp. 458–461.
95. Stare V. *Kranj nekropola iz časa preseljevanja ljudstev (s prispevkoma Zdenko Vinski, Ovrednotenje grobnih pridatkov in István Kiszely, Antropološki pogledi)*. Ljubljana, Narodni muzej v Ljubljani Publ., 1980, 124 p.
96. Svoboda B. *Čechy v době stehování národů*. Praha, Academia Publ., 1965, 380 p. (Monumenta Archaeologica, 13).
97. Tejral J. *Morava na sklonku antiku*. Praha, Academia Publ., 1982, 256 p. (Monumenta Archaeologica, 19).
98. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum. J. Tejral, H. Friesner, M. Kazanski (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mitteltren Donaauraum*, Brno, 1997, pp. 321–392. (Spisy Archeologického Ústavu Akademie věd České Republiky, 8).
99. Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes” im Mitteldonaauraum aus der Sicht der Archäologie. J. Tejral, V. Martererová (Eds.), *Barbaren im Wandel Beiträge zur Kultur- und Identitätsbildung in der Völkerwanderungszeit*, Brno, 2007, pp. 55–121. (Spisy Archeologického Ústavu Akademie věd České Republiky, 26).
100. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts. J. Bemann, M. Schmauder (Hrsg.), *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen. Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008*, Bonn, 2008, pp. 249–283.
101. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donaauraum aus der Sicht der Archäologie. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe (Hrsg.), *Grenz Übergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum, Ruma, 4.-7.11.2015*, Remshalden, 2016, pp. 103–120. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter, 4).
102. Villa L. Le tracce della presenza gota nell'Italia nord-orientale e il caso dell'insediamento di S. Giorgio di Attimis (UD). *Goti dall'oriente alle Alpi*, Trieste, Editred sas Publ., 2006, pp. 147–173. (Archeologia di frontiera, 7).
103. Vinski Z. Razmatranja o iskopovanjima u Kninu na nalazišta Greblje. *Starohrvatska prosveta*, 1989, Serija III, svezak 19, pp. 5–73.
104. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. G. Behrens, J. Werner (Hrsg.), *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*, Mainz, E. Schneider Verlag, 1950, pp. 150–172.
105. Werner J. *Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln I*. Berlin, Verlag Gerb. Mann, 1961, 68 p.
106. Korzukhina G.F. Klady i sluchajnye nakhodki veshchej kruga «drevnostej antov» v Srednem Podneprov'e. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, vol. V, pp. 352–435.

I. O. GAVRITUKHIN, A. M. OBLOMSKIY

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

RADIATE-HEADED BROOCHES WITH RHOMBI ON THE FOOT-PLATE ORIGINATING FROM THE STAEVO MANUFACTURING CENTRE ON THE VORONEZH RIVER

Abstract: This paper publishes five brooches and a matrix, decorated with rhombi on the foot-plate and protrusions on the head-plate, excavated at the settlements of Staevo-4 and Staevo-5 in the Tambov oblast', Russia. The typology, chronology, and distribution areas of analogous brooches have been discussed; some of the finds are published for the first time. Particular attention has been paid to interrelations of craft centres in Eastern Europe. Apart of the others, there have been established the Staevo series, which was produced in the settlement of jewellers and merchants called Staevo-5 to distribute through a small area.

Keywords: brooches, fifth to seventh centuries, Upper Voronezh Sites Group, craft centres.

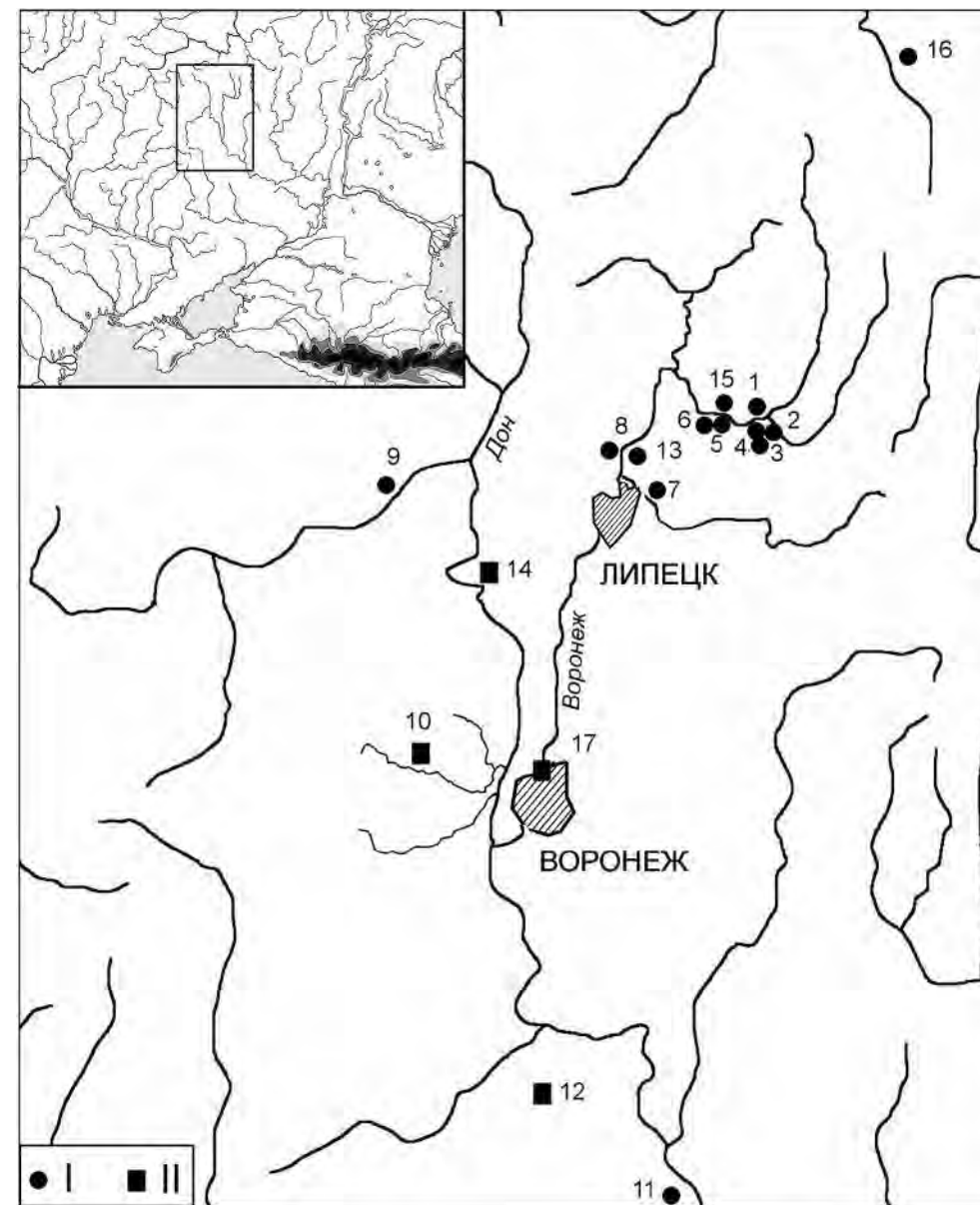

Рис. 1А. Карта памятников верхневоронежской группы и случайных находок этого периода: I – поселение; II – случайная находка.

1 – Стаево-3, 4, 5; 2 – Красный Городок-2; 3 – Красный Городок-4; 4 – Новоникольское-8; 5 – Ярок-9; 6 – Кривец-4; 7 – Ярлуково; 8 – Большая Кузьминка-4А; 9 – Елец, Лавский комплекс; 10 – р. Ведуга; 11 – Терешковский вал; 12 – Острогжский клад; 13 – Капитанщино; 14 – устье р. Репец; 15 – Ярок-5; 16 – Коровий Брод; 17 – г. Воронеж.

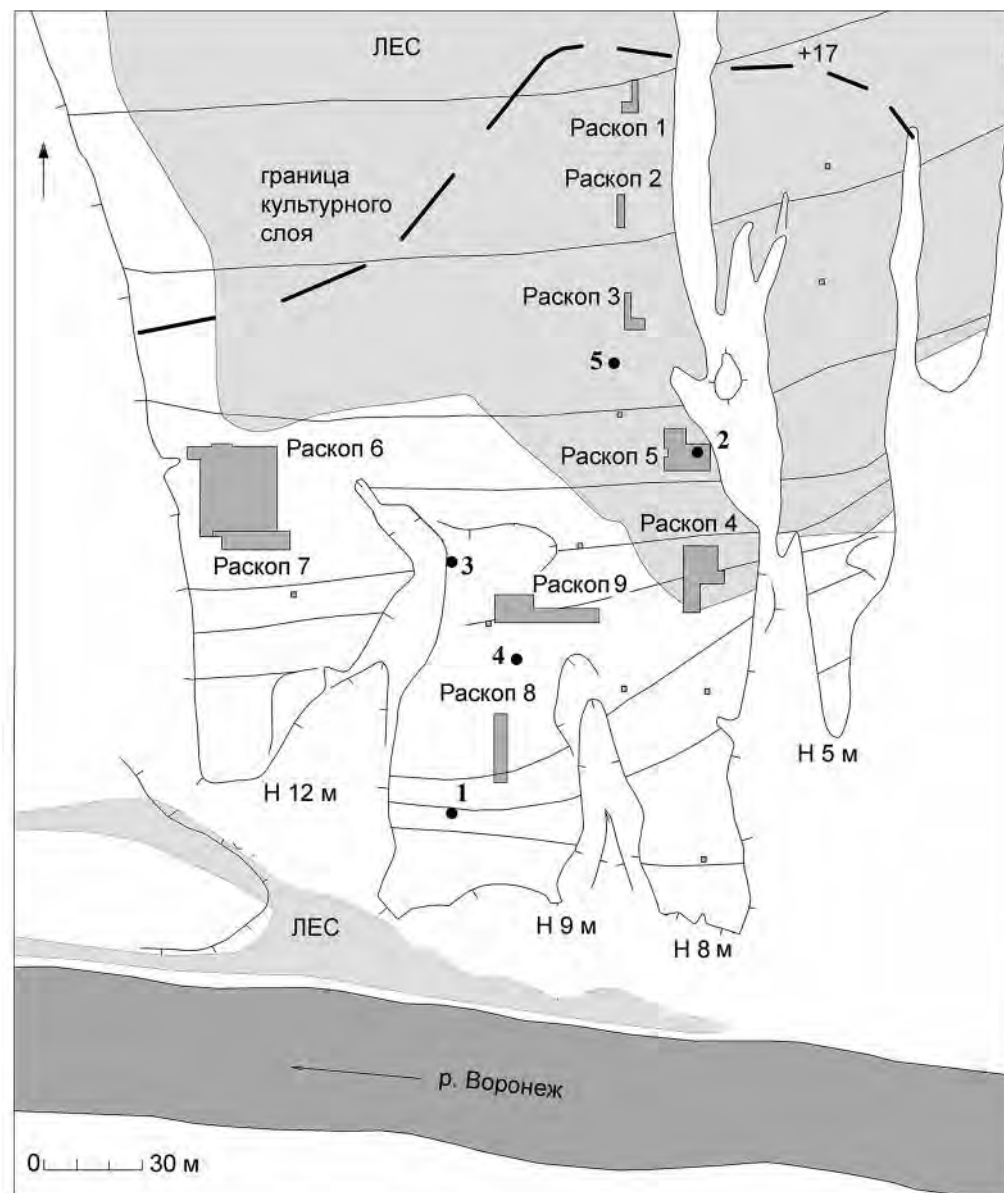

Рис. 1Б. Стаево-5. План памятника и места находок пальчатых фибул с ромбами на ножке. Горизонталь через 1 м; Н – высота обрыва. Съемка А. М. Обломского.
1-5 – нумерация фибул по списку 1.

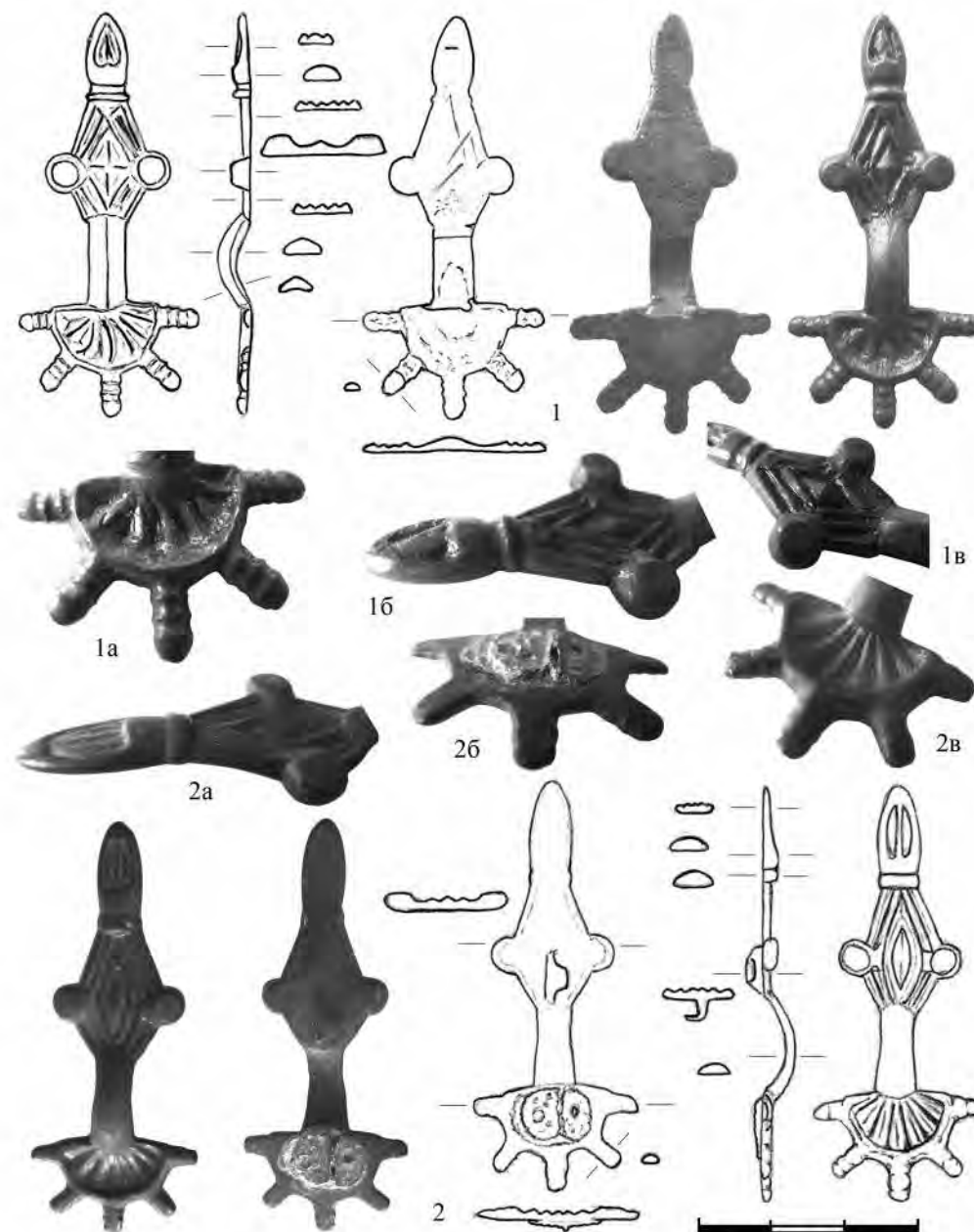

Рис. 2. Матрица и фибула серии Стаево из Стаево-5 (список 1,1,2).

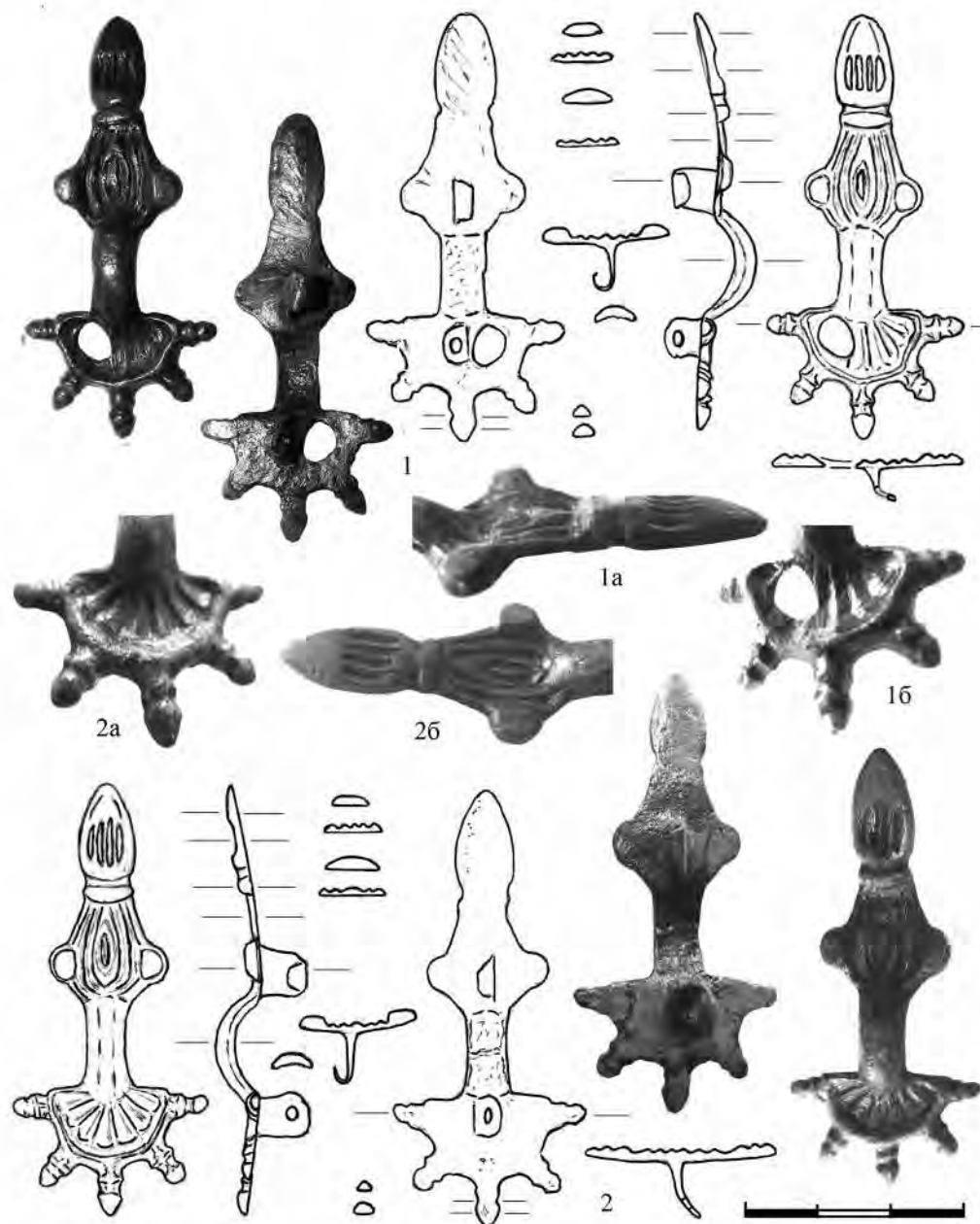

Рис. 3. Фибулы серии Стаево из Стаево-5 (список 1,3,4).

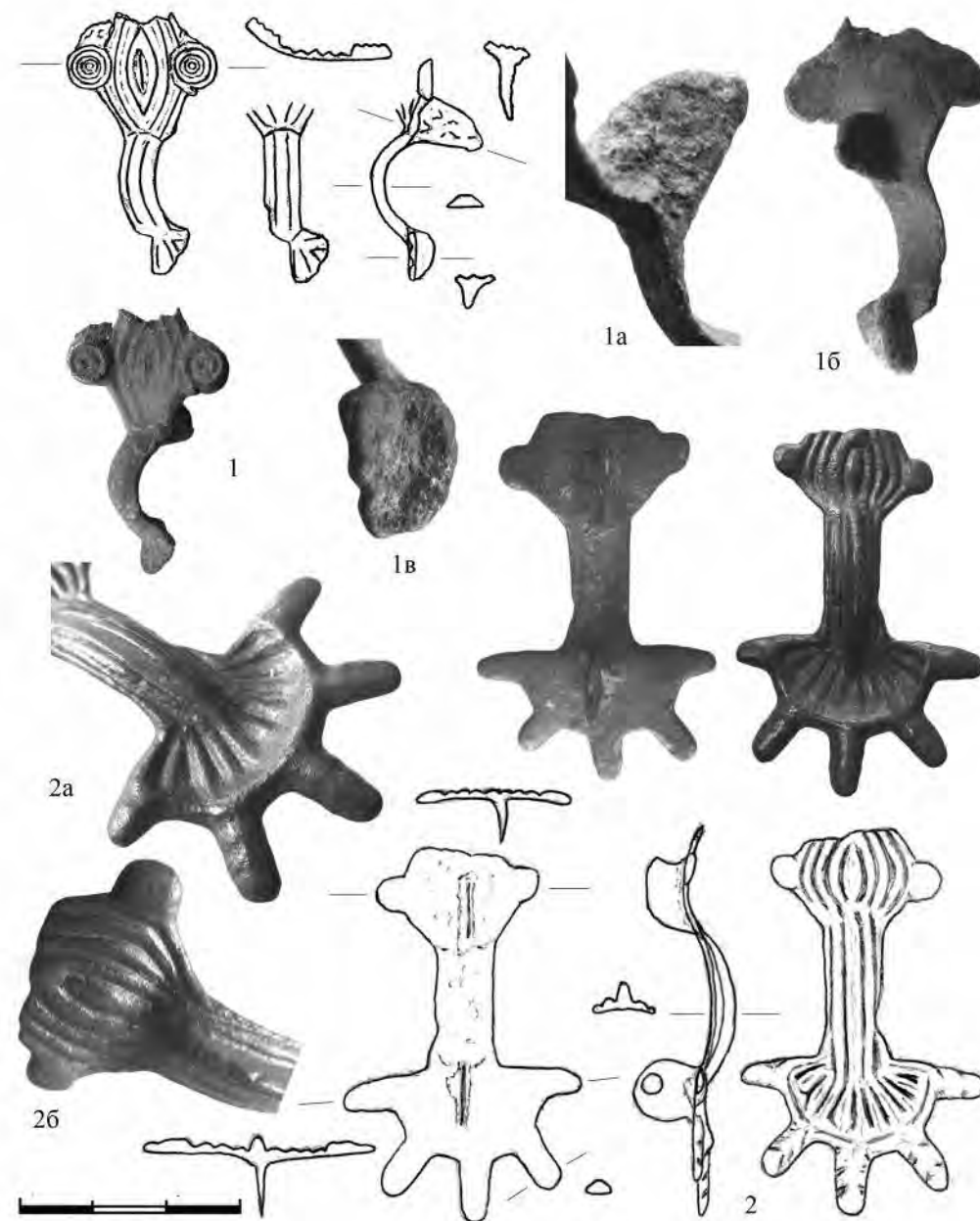

Рис. 4. Фибулы, украшенные лучами на головной пластине и ромбами на ножке.
1 – Белгородская обл.; 2 – Стаево-5 (списки: 1 – 2.Г; 2 – 1,5).

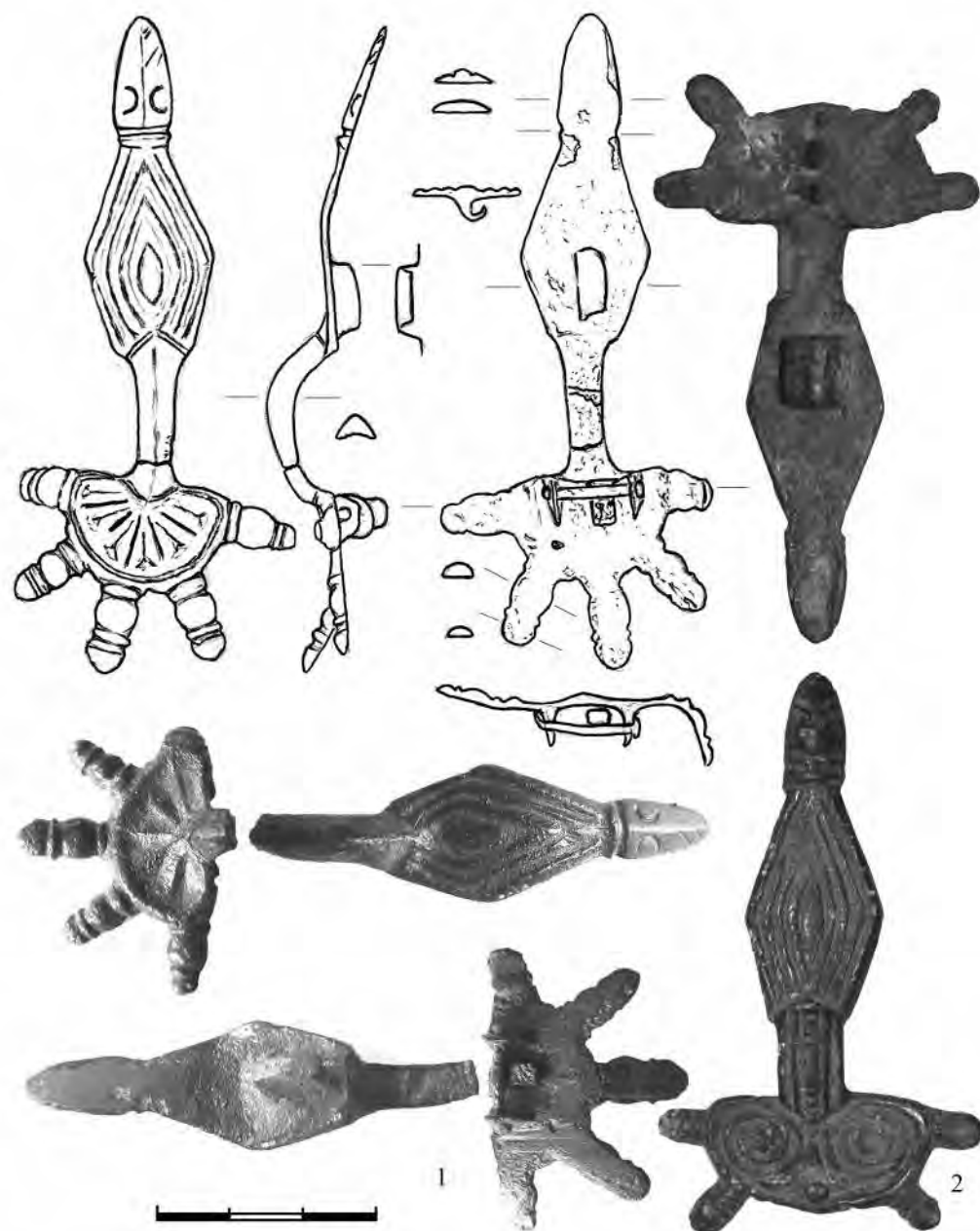

Рис. 5. Пятипалые фибулы, украшенные ромбами на ножке, не имеющей боковых выступов.
1 – Стаево-4; 2 – Спас-Перкша (списки: 1 – 1,6; 2 – 3.Б).

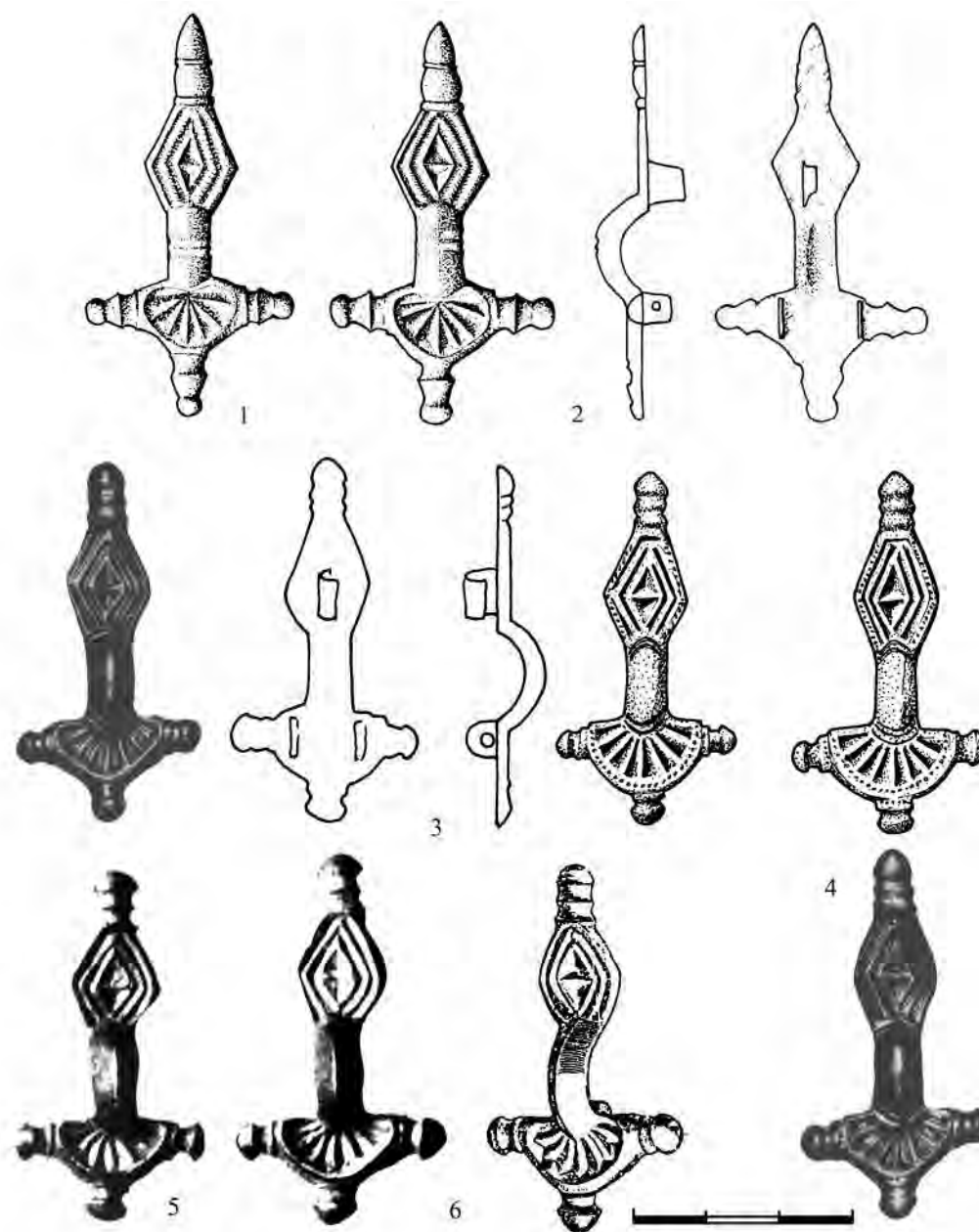

Рис. 6. Фибулы типа Бакодпуста.
1–2 – Тольна-Мёж, погр. 53; 3–4 – Хач-Бендекпуста, погр. 18; 5–6 – Дунапатай-Бёдпуста, погр. 3 (список 2.А).

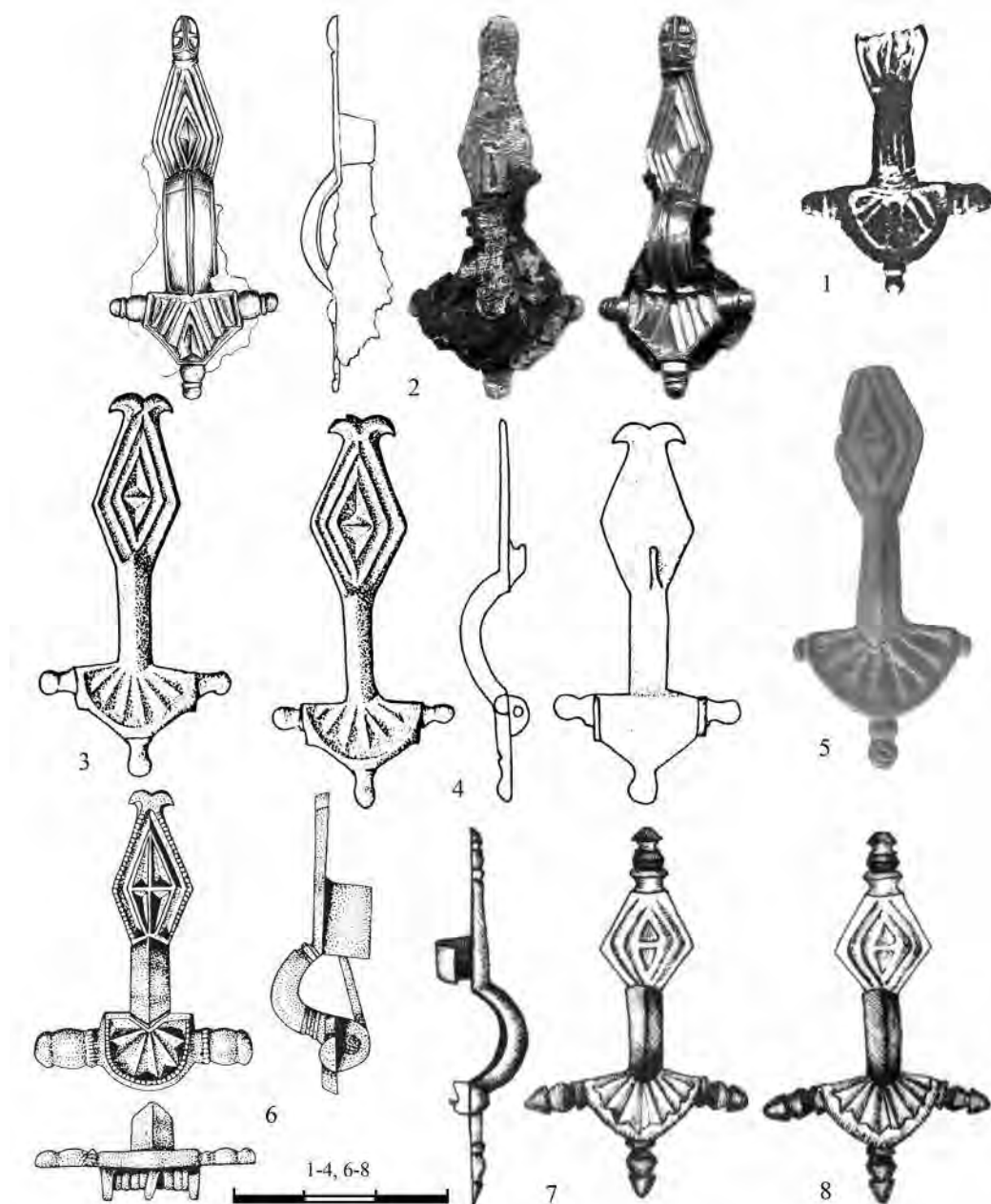

Рис. 7. Фибулы типа Бакодпуста.

1 – Гарлицц, погр. в урне; 2 – Ниредьхаза–Рожретсёлё, погр. 198; 3–4 – Тольна–Мёж, погр. 64; 5 – Осоппо; 6 – Бернхардшталь–Аулюссен; 7–8 – Кёвагосёлёш, погр. 6 (список 2.А).

Рис. 8. Фибулы типа Бакодпуста и близкий им фрагмент.

1 – Хорни-Кшелы-у-Колина; 2 – Свиштов; 3 – Чехия; 4 – Братей 3, погр. 244 (списки: 1-3 – 2.А; 4 – 2А/Б).

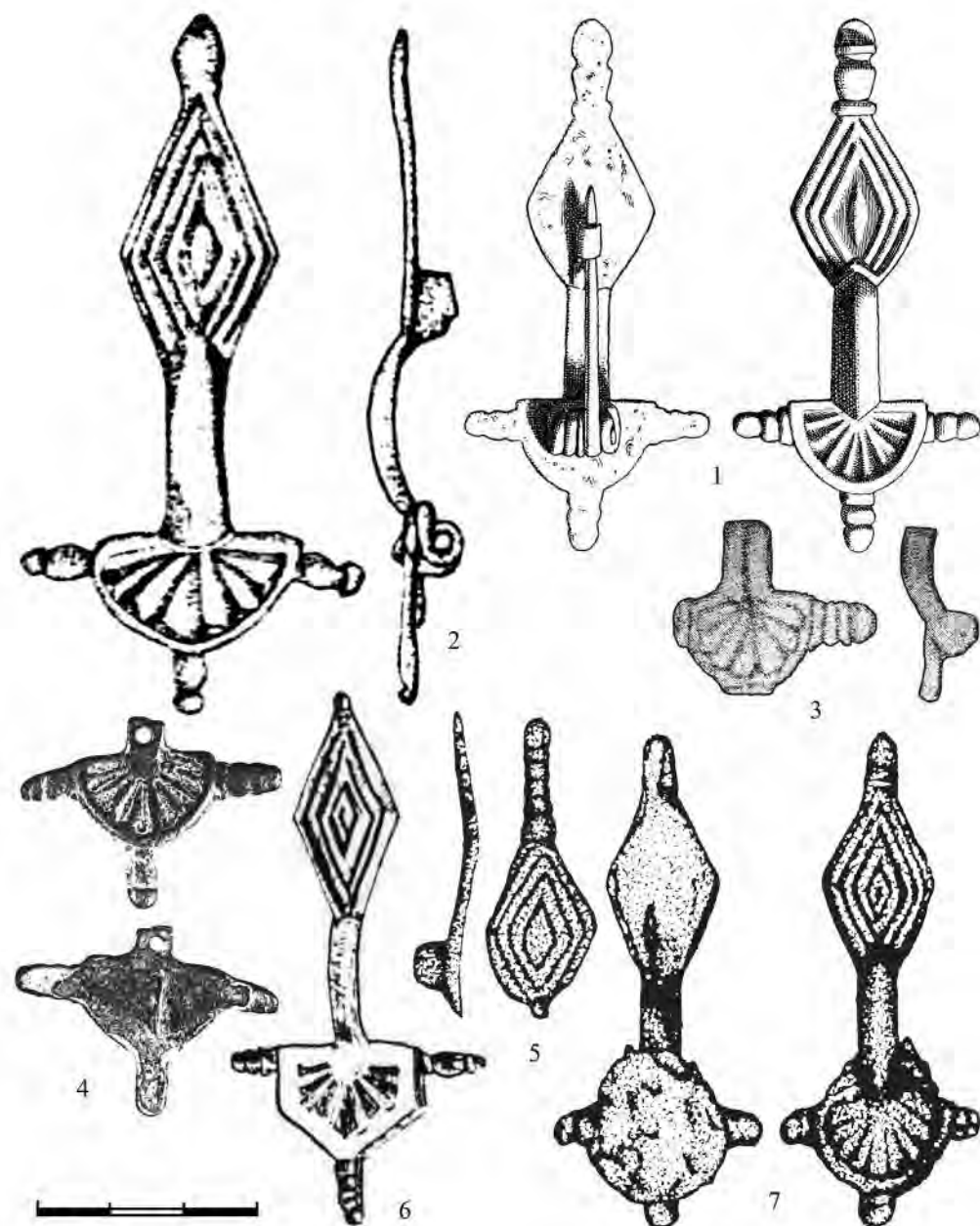

Рис. 9. Фибулы типа Бакодпуста и близкие им фрагменты.
1 – Керчь; 2 – Цага, погр. 1/1968; 3 – Ковачевец; 4, 7 – Медвен; 5 – Стан; 6 – Чехословакия
(списки: 1, 2, 6, 7 – 2.А; 3–5 – 4).

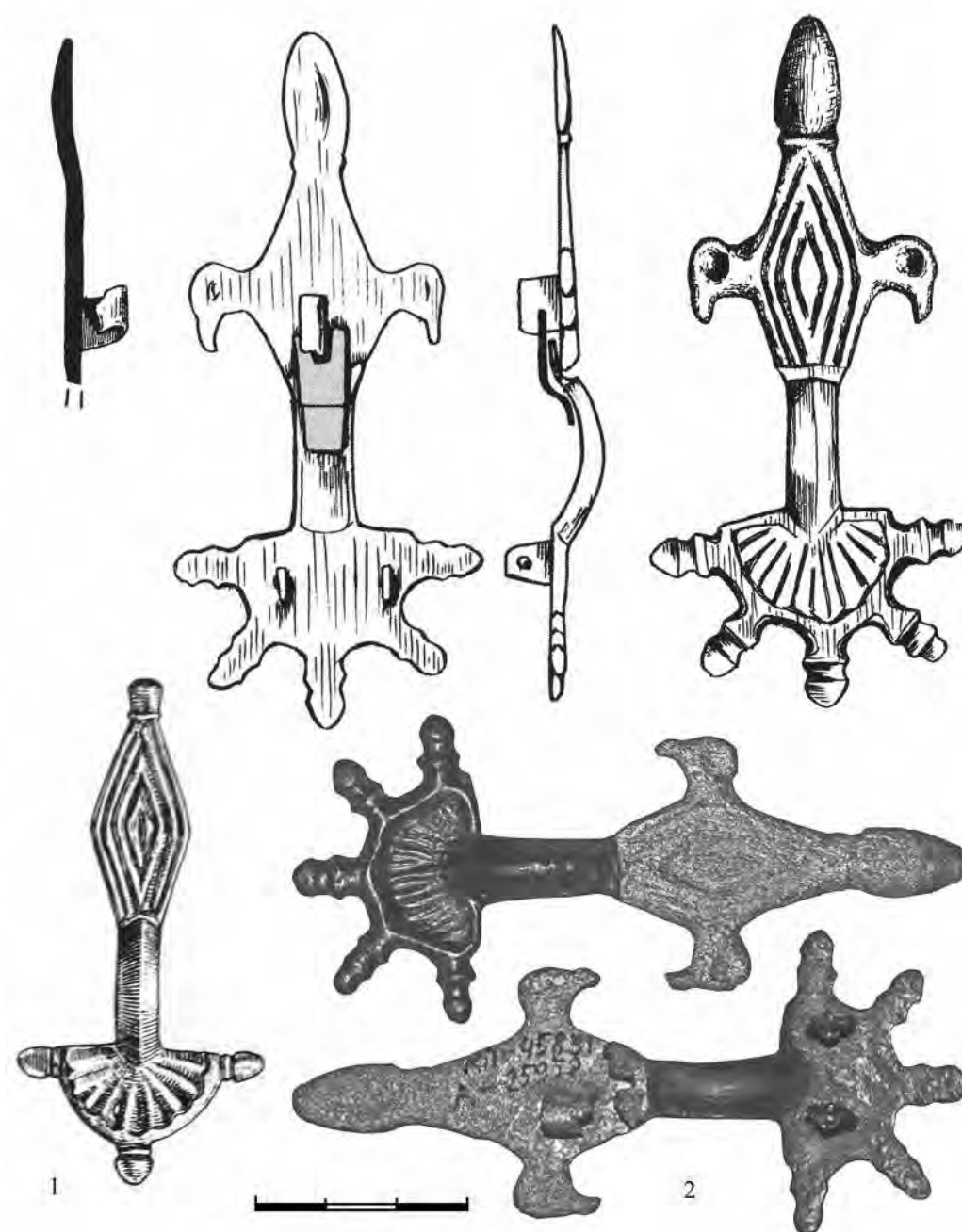

Рис. 10. Фибулы типа Бакодпуста и серии Лучистое.
1 – Кыйов; 2 – Лучистое, склеп 59, погр. 19 (списки: 1 – 2.А; 2 – 2.В.2).

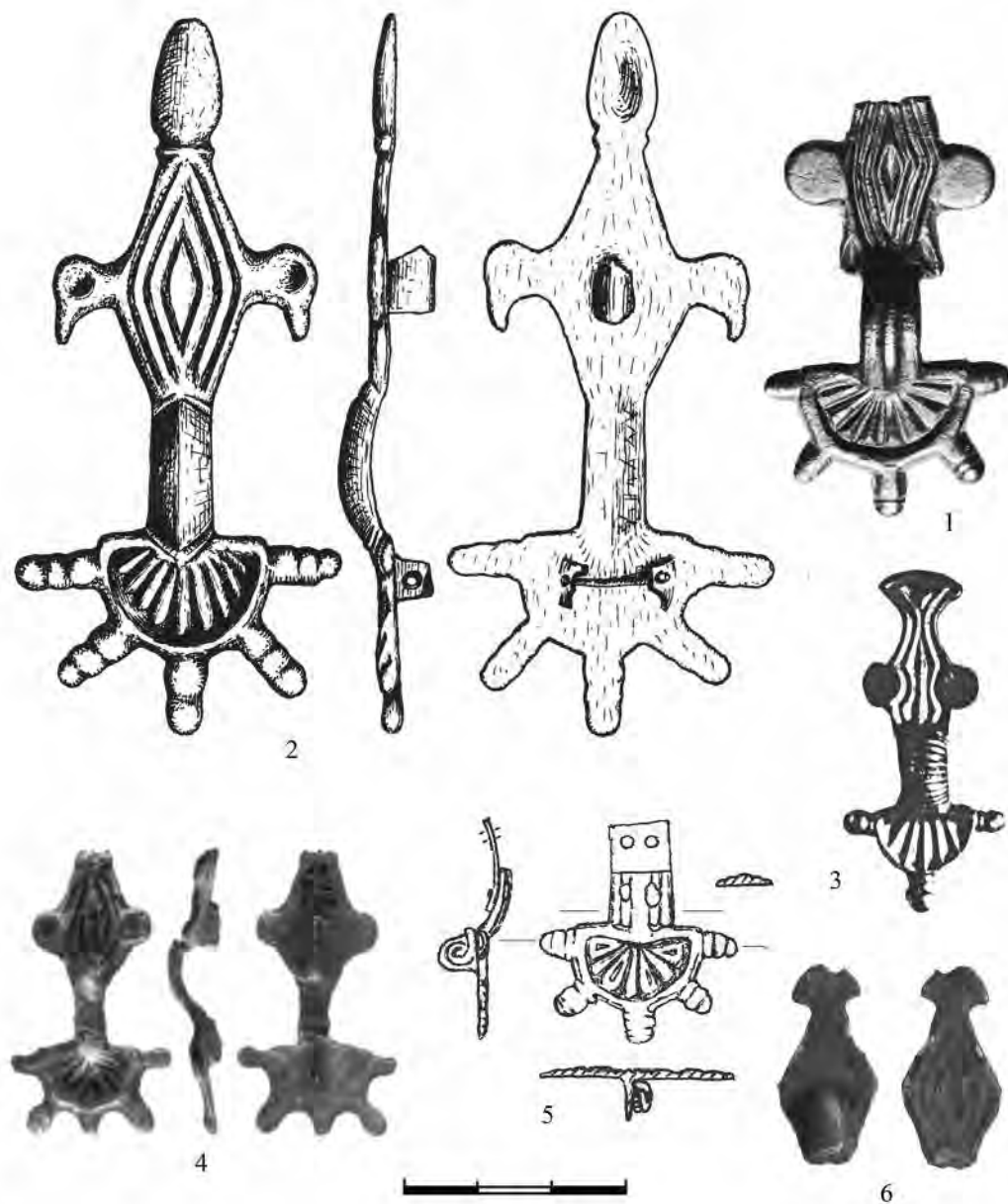

Рис. 11. Фибулы, украшенные лучами на головной пластине и/или ромбами на ножке. 1 – Майнц; 2 – Лучистое, склеп 59, погр. 19; 3 – Монсхайм, погр. 4; 4 – Ольвия; 5 – Книн-Греблье, погр. 154; 6 – Суджанский р-н Курской обл. (списки: 1 – 2.В.3; 2 – 2.В.2; 3 – 2.Б; 4 – 2.В.1; 5 – 4; 6 – 3.В).

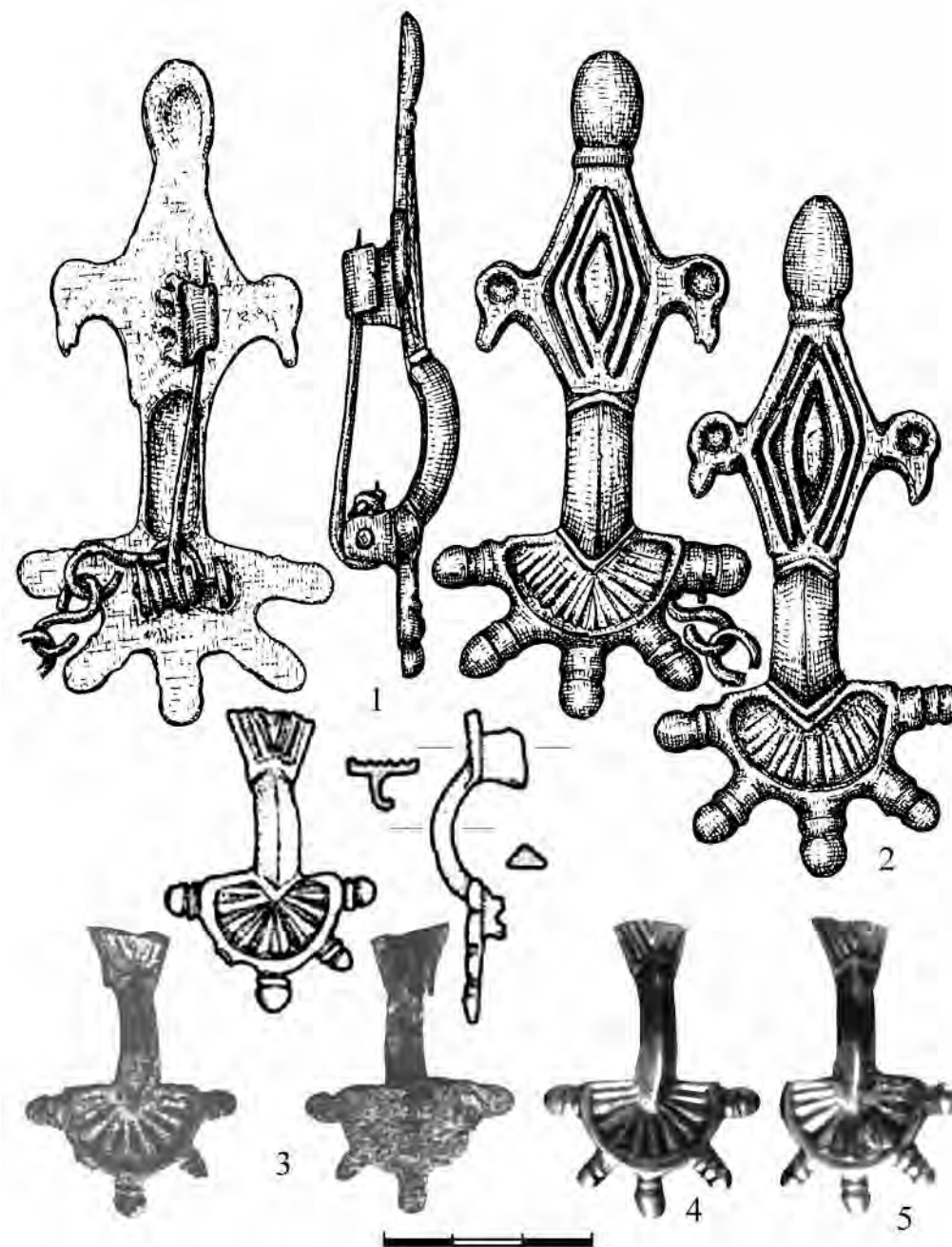

Рис. 12. Фибулы, украшенные лучами на головной пластине и ромбами на ножке. 1–2 – Лучистое, склеп 100, погр. 1; 3 – Тортонна; 4–5 – коллекция Диргардта (списки: 1 – 2.В.2; 2–5 – 2.В.3).

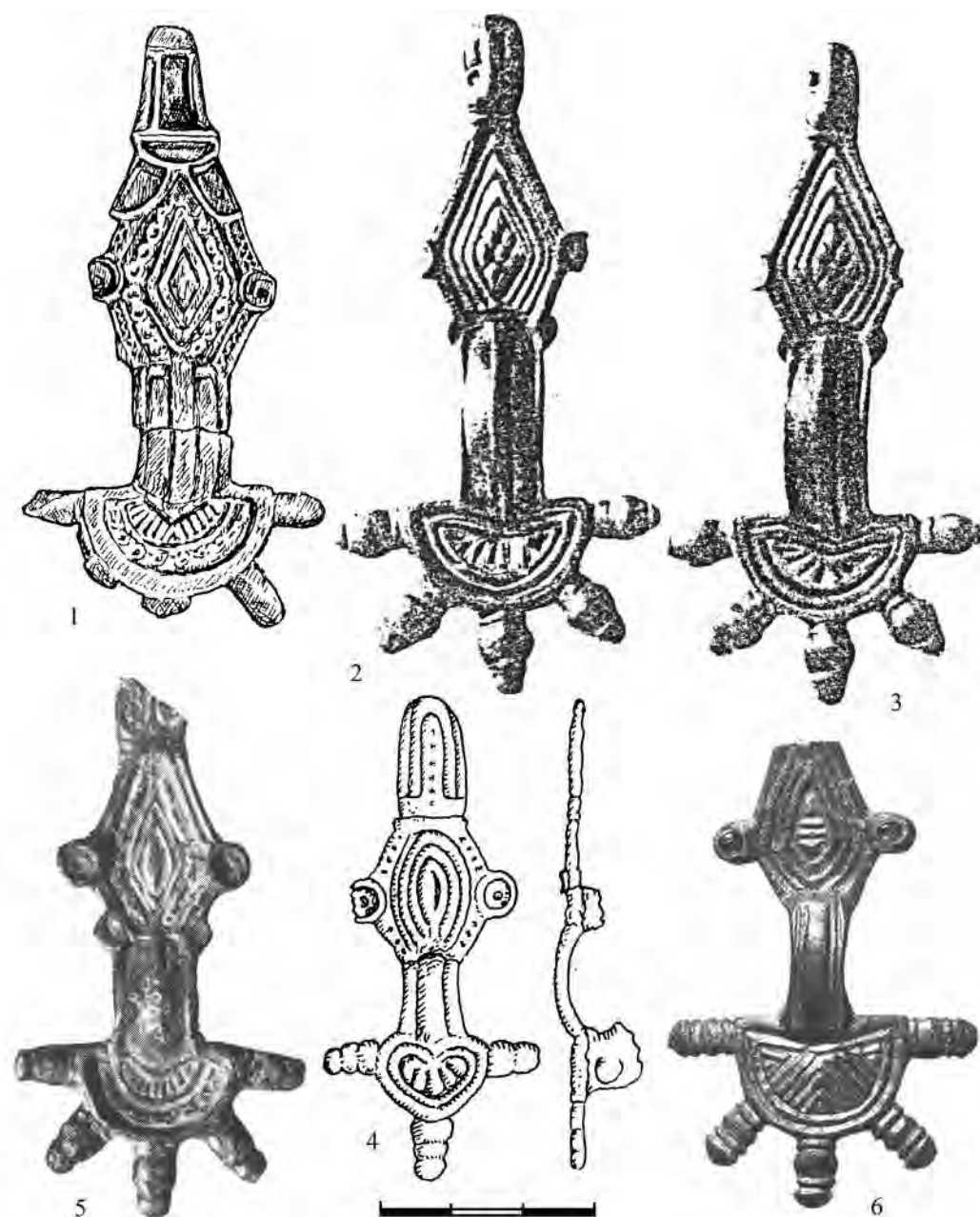

Рис. 13. Фибулы гепидских и итало-готских типов.

1 – Сентеш–Надьхедь, погр. 8; 2–3 – Сентеш–Кёкеньцуг, погр. 56; 4 – Морешть; 5 – Крань; 6 – Колленьо, погр. 4 (списки: 1–3, 5–6 – 2.В.4; 4 – 2.Б).

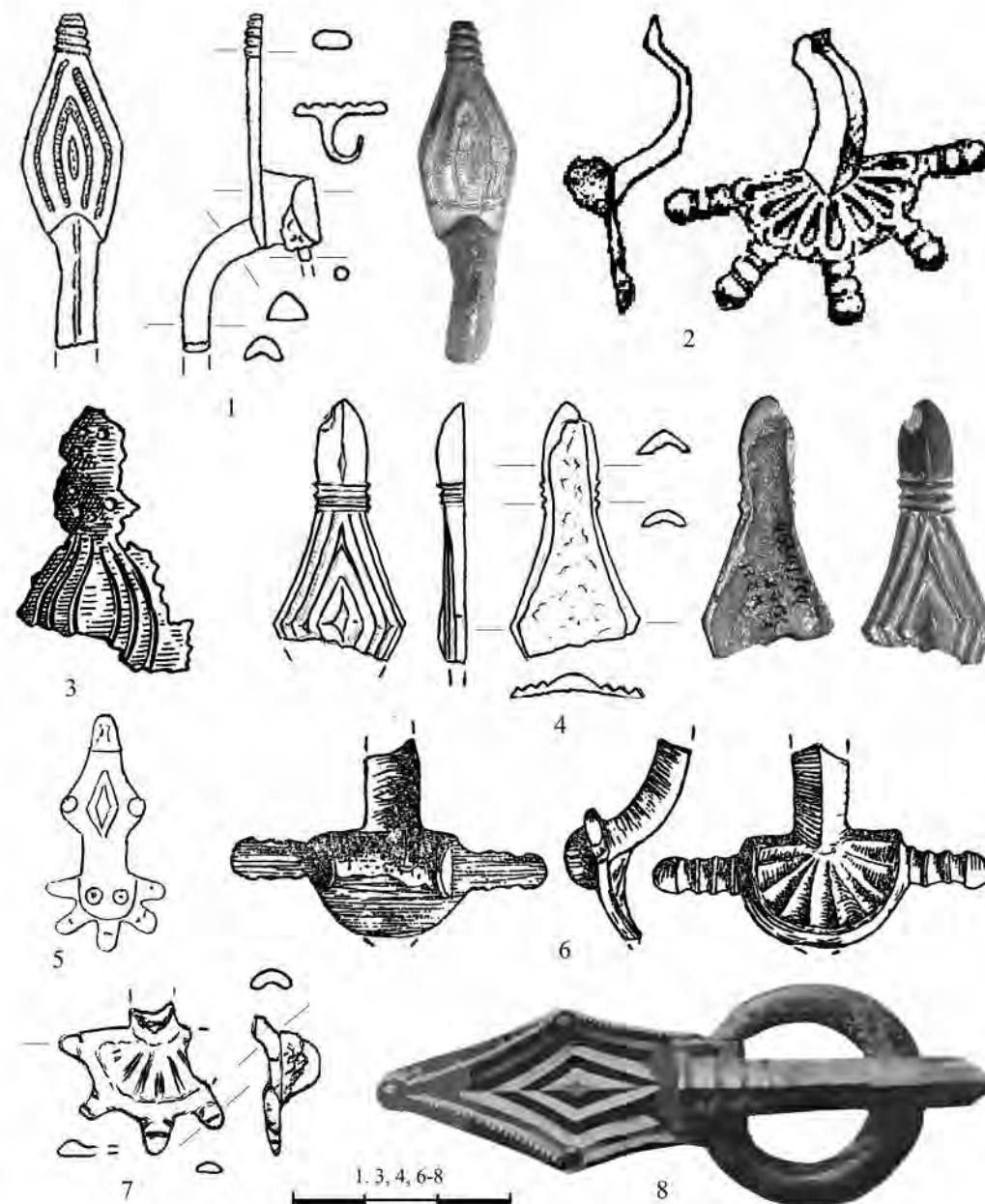

Рис. 14. Фибулы и пряжка, украшенные ромбами или лучами.

1 – Ксизово-19; 2 – Порозок; 3 – Усох, погр. 4; 4 – Курск; 5 – Бужим; 6 – Вербычна; 7 – Брянская обл.; 8 – Пекари (списки: 1, 3, 4 – 3.В; 2, 6, 7 – 3.Д; 5 – 3.Б; 8 – 4.)

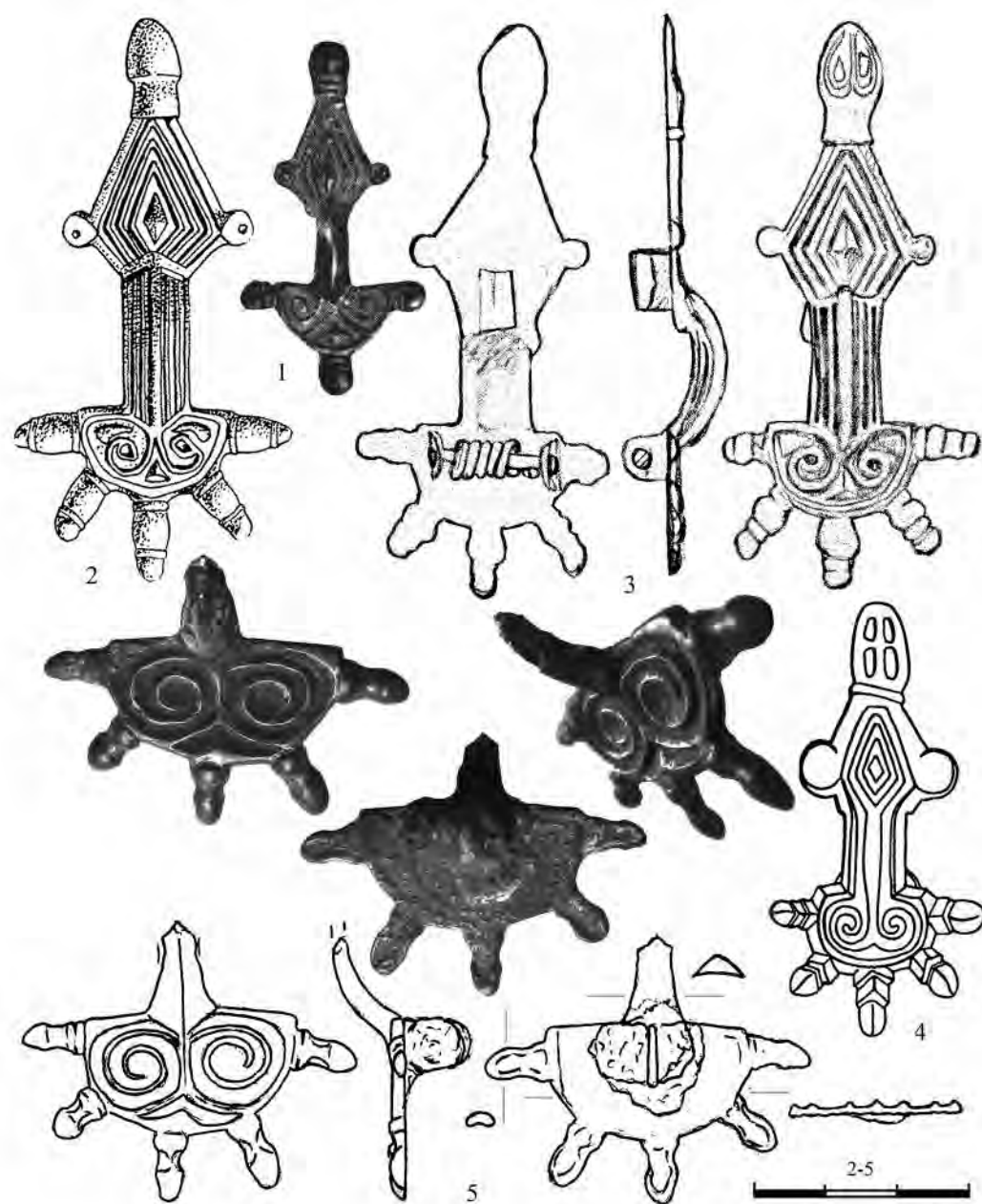

Рис. 15. Фибулы, украшенные спиралями на головной пластине.
1 – Канев; 2 – Игрен; 3 – Херсонес; 4 – Среднее Поднепровье; 5 – Курская область (списки: 1, 2, 4 – 3.Б; 3, 5 – 4)

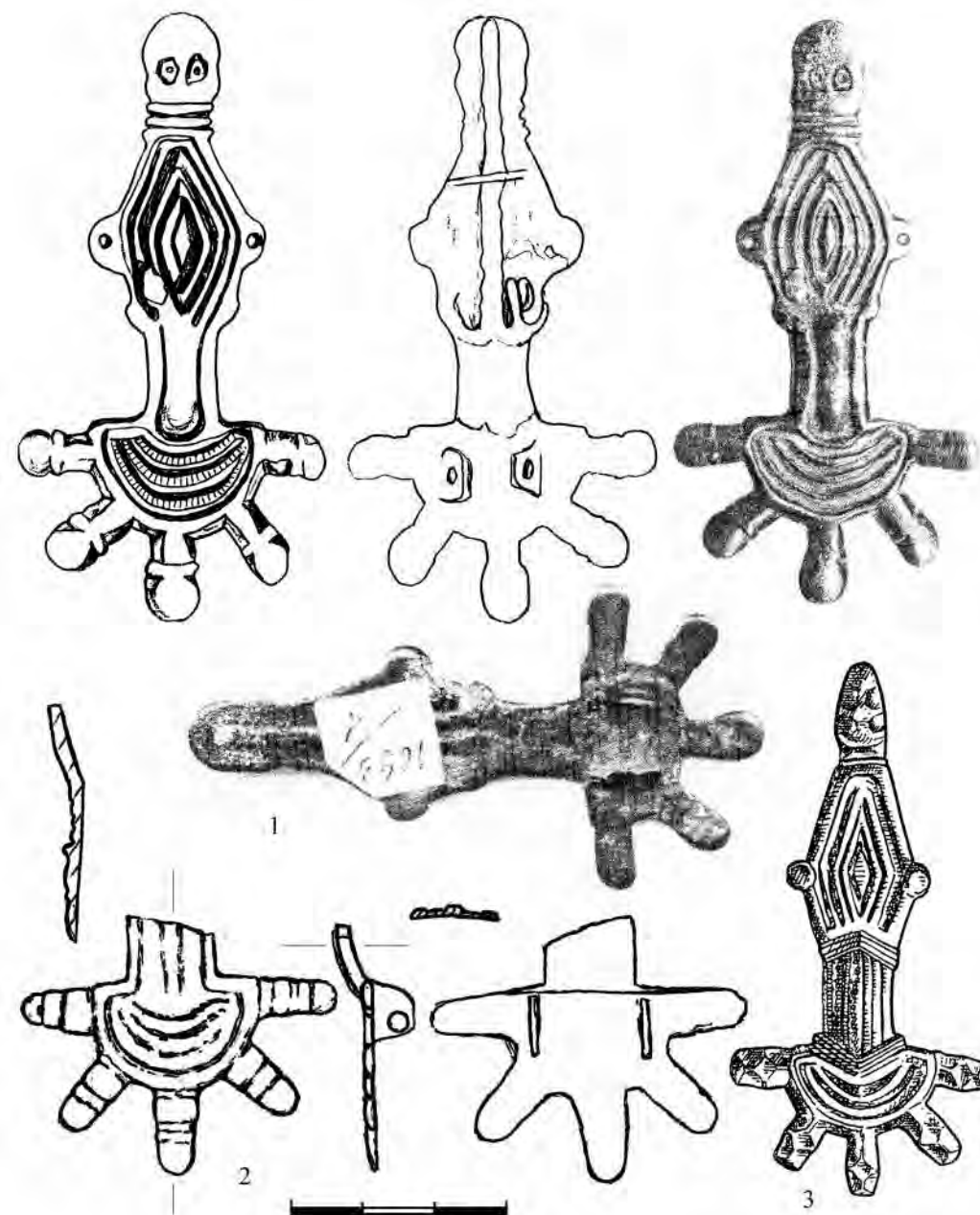

Рис. 16. Фибулы типа Морешть и близкий им фрагмент.
1 – Мартыновка; 2 – Краков-Нова-Гута; 3 – Деренковец (списки: 1, 3 – 3.А; 2 – 4)

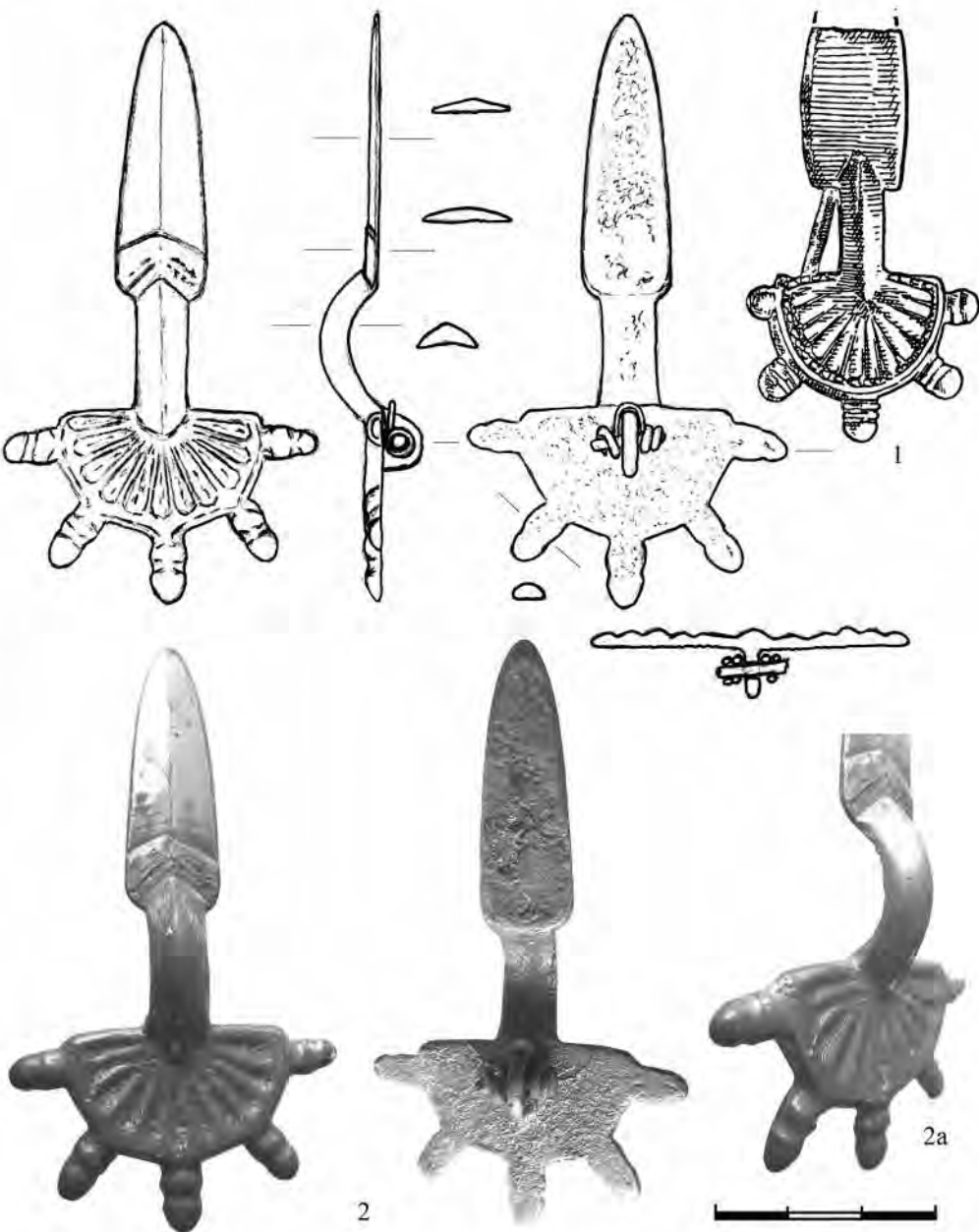

Рис. 17. Фибулы серии Перехваль типа Мощенка.
1 – Пастырское; 2 – Перехваль (список 3.Г)

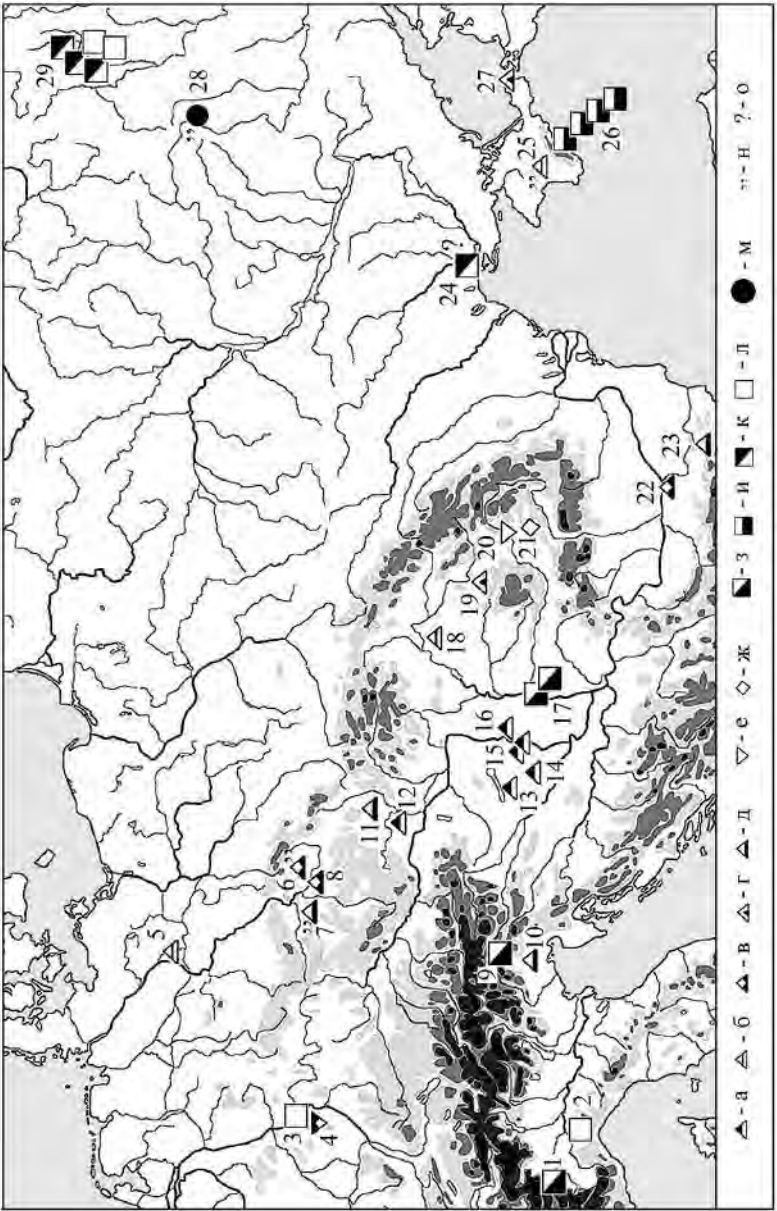

Рис. 18. Распространение фибул, украшенных лучами на головной пластине и ромбами на ножке.
а-д – тип Баколпуста: а-б – подтипа 1 (б – особые вариации), в-д – подтипа 2 (в – с двумя стойками для оси пружины, г – с одной стойкой, д – о числе стоек нет данных); е-ж – трехпалые; з – с выступами по бокам ножки, ж – большая часть ножек утрачена; и-л – пятипалые; м – бракованный полуфабрикат; н-о – локализация: н – с точностью до области, о – условна. или неясных серий; п – гетидских и итало-готских форм, и – серии Лучистое, к – серии Стаево, л – других или неясных серий; м – бракованный полуфабрикат; н-о – локализация: н – с точностью до области, о – условна.
1 – Колленье, 2 – Тортона, 3 – Майнц, 4 – Монсхайм, 5 – Гарлиц, 6 – Чехословакия (вероятно, Чехия), 7 – Чехия, 8 – Хор-ни-Кшелы-у-Коллина, 9 – Крань, 10 – Осоппо, 11 – Кыйов, 12 – Бернхардштадт-Аулоссен, 13 – Хач, 14 – Кёвагосёлёш, 15 – Тольна, 16 – Дунапатай, 17 – Сентеш, 18 – Ниредьхаз, 19 – Цага, 20 – Морешть, 21 – Братей, 22 – Свиштов, 23 – Мед-вен, 24 – Ольявия, 25 – Крым, 26 – Лучистое, 27 – Керчь, 28 – Белгородская обл., 29 – Стаево.

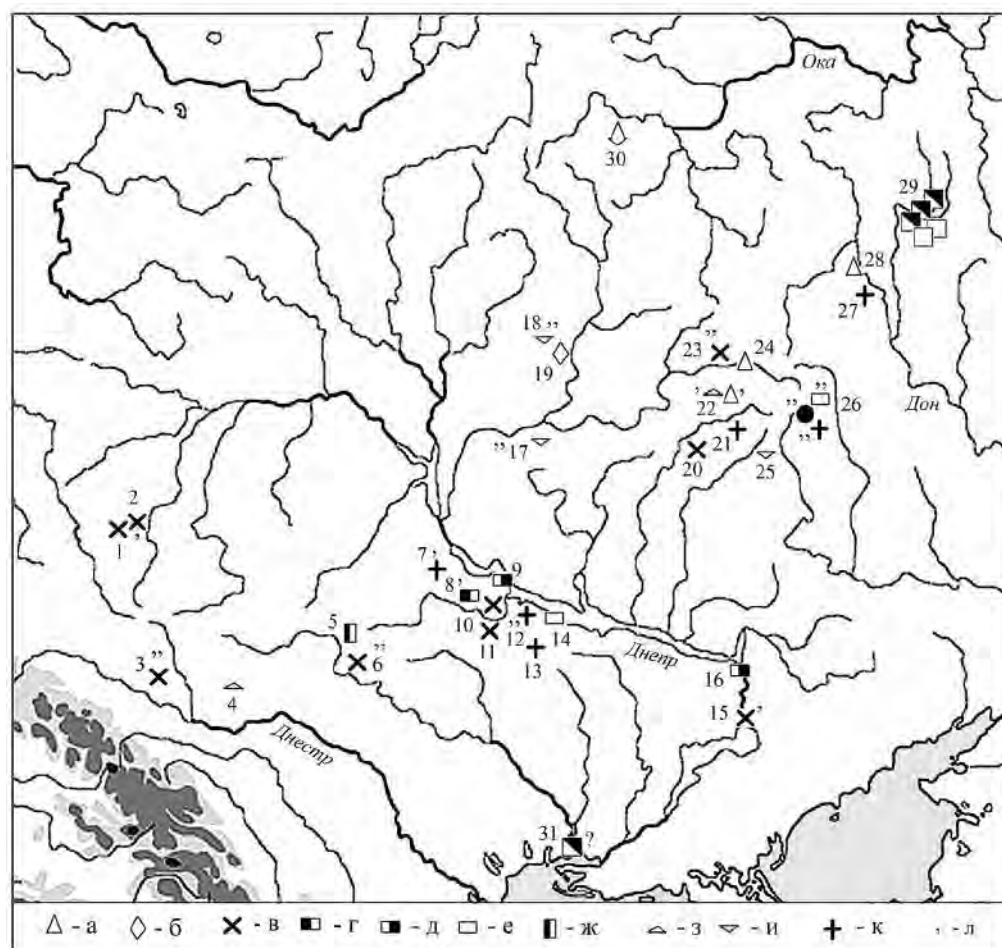

Рис. 19. Распространения в Восточной Европе (кроме Крыма) фибул, украшенных лучами на головной пластине и/или ромбами на ножке.

Условные знаки как на рис. 18; дополнительные: а-ж – ножка, украшенная ромбами: а – без боковых выступов, б – с боковыми выступами, в – тип Морешть и близкие ему, г-е – с орнаментацией головной пластины спиралями или окружностями (контексты: г – дунайский, д – понтийский, е – неясен), ж – трехпалые особой вариации; з-к – головная пластина, украшенная лучами: з – трехпалые, и – пятипалые, к – серии Перехваль типа Мошенка; л – локализация с точностью до района.
 1 – Волынская обл. (на р. Черногуска, в 30 км от Луцка), 2 – Волынская обл. (недалеко от Луцка), 3 – Ивано-Франковская обл., 4 – Вербычна, 5 – Широкая Гребля, 6 – Винницкая обл., 7 – Киевская обл., юг, 8 – Среднее Поднепровье (в пределах Васильковского, Каневского, Таращанского уездов), 9 – Канев или окрестности, 10 – Мартыновка, 11 – Деренковец, 12 – Черкасская обл. (правобережье Днепра), 13 – Пастырское, 14 – Бужин, 15 – Запорожская обл. (близ Днепра), 16 – Игрень, 17 – Черниговская обл., 18 – Брянская обл., 19 – Усох, 20 – Межричье, 21 – Глиница, 22 – Суджанский р-н, 23 – Курская обл., 24 – Курск, 25 – Порозок, 26 – Белгородская обл., 27 – Перехваль, 28 – Ксизово, 29 – Стаево, 30 – Спас-Перекша, 31 – Ольвия.

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ ПОЯСНОЙ НАБОР С ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКОЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI в. ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ЛУЧИСТОЕ

Аннотация: Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму распространились детали воинских наборных поясов, именуемые в специальной литературе геральдическими. В статье публикуется поясной набор второй половины VI в., найденный в склепе 212 на могильнике у с. Лучистое, обосновывается датировка, выявляется круг аналогий, на основании иконографических данных и расположения предметов в погребении предлагаются варианты реконструкции. Бляшки из набора украшены изображениями креста и стилизованной виноградной лозы. На обратной стороне пряжки прорезаны кресты. Христианская символика, а также аналогии, выявленные в Херсоне, Сирии и Подунавье, позволяют отнести набор к византийской продукции.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, крымские готы, геральдические поясные наборы, христианская символика.

Во второй половине VI в. в Юго-Западном Крыму распространились детали воинских наборных поясов, именуемые в специальной литературе геральдическими по наличию элемента в форме гербового щитка. По мнению А. К. Амброза, геральдический стиль возник в византийских провинциях Нижнего Подунавья как смешение византийских и варварских вкусов в среде местных военных поселений [9, с. 118; 10, с. 201; 11, с. 49]. Многочисленные находки различных деталей геральдических поясных наборов и каменных литейных форм подтверждают существование в Нижнем Подунавье центра по их изготовлению и распространению [36, fig. 2,3]. Вместе с тем, происходящая из Каппадокии литейная форма для производства геральдических бляшек и наконечников ремней [27, р. 629, fig. 1], а также находки на территории Малой Азии и Сирии геральдических деталей поясной гарнитуры второй половины VI в. [41, Kat. 71; 42, Abb. 112] позволяют говорить об одновременном распространении стиля во многих областях империи.